

Из серии
"Зеркала".
Книга I.
"Лишние
люди" (ред.
2)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Патров Олег

18+

Олег Патров
Из серии «Зеркала». Книга
I. «Лишние люди» (ред. 2)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69880138

SelfPub; 2023

Аннотация

Мир был маленький... Маленький и совсем неуютный, но он был свой, и, поэтому, когда всё рухнуло – под чьей рукой?!. – что оставалось ему делать? Она говорила: "Двигаясь маленькими шагами, можно преодолеть ВЕЧНОСТЬ"...

Содержание

Милосердие	5
Глава первая. Внешние пределы	6
Глава вторая. Туннели и перекрытия	16
Глава третья. Все мы умные люди...	29
Глава четвертая. Испытательный срок	46
Глава шестая. Даты и сроки	58
Глава седьмая. Мечты не отражаются в зеркалах	68
Глава восьмая. Раскаяние	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Олег Патров

**Из серии "Зеркала". Книга
I. "Лишние люди" (ред. 2)
(политик)**

...и когда человек науки, окидывая взглядом мир, над которым не будет иной власти, кроме его собственной, будет восторгаться мыслью о том, что он сделал из этой прекрасной зеленой земли если не рай для людей, то, по крайней мере, ад для животных.

Люис Кэррол «Вивисекция как символ новых времен»

Милосердие

*Мне много жить и пережить пришлось,
Но я тебе заносчиво и молодо,
Как связку хвороста мечты свои принес –
Зажги костер, погрейся, очень холодно...*

М. Светлов «Признание», 1959

Глава первая. Внешние пределы

1

Он сидел в приемном покое скорой помощи и считал пластины плит, которыми был выложен коридор: раз, два, три.

«Мы сделали все, что могли. Ваша мать умерла. Слишком большая кровопотеря. Не выдержало сердце», – сказали они.

Потом пришла полиция, а за ней служба СК: так полагалось, когда случалась беда и подросток оставался один.

Женщина из соцконтроля была молодой, незнакомой и все расспрашивала его об отце, других родственниках, а он только и смог сказать ей:

– Я взял аэрокар соседа, чтобы доехать сюда. У нас в доме нет связи. Я ехал так быстро, как мог.

– Ты ни в чем не виноват, – успокаивала она его.

Неопытная. Джимми волновало другое. Нужны были деньги на похороны, и сама церемония, – он не знал, как полагалось проводить ее в таком случае, – его мать была представительницей Старой церкви...

– Я на испытательном сроке, – как можно спокойнее произнес он, хотя от боли хотелось кричать. – Если сосед подаст жалобу, меня закроют, мисс...

Он запнулся, вопросительно взглянув на грудь женщины

в поисках именной таблички.

– Свон. Меня зовут Эрнистон Свон, и я попытаюсь что-нибудь сделать.

Деловитым шагом она направилась к полицейскому, заполняющему протокол.

– Значит, никаких сомнений, док?

– Абсолютно. Характерный наклон, общее состояние организма. Скорее всего, самоубийство на фоне интоксикации. Если бы не сын, она умерла бы еще по пути к нам.

– Наркоманка?

– Да. И это не первая ее попытка. Вот, возьмите, сестры нашли это у нее в кармане. Думали – доза, оказалось – записка.

Врач протянул полицейскому мятую бумажку, свернутую пополам.

– Мы не стали разворачивать.

– Правильно, – равнодушно проигнорировал явную несуразицу служитель закона. – Теперь это наше дело.

Он достал из кармана пакет для улик и положил туда скомканный, надорванный у уголка, подмокший по краям лист бумаги. Вдохнул: еще одна никому не нужная улика; теперь придется возвращаться в офис и составлять заявку на хранение с последующей утилизацией. А так хотелось домой...

– Сержант, – отозвала его в сторону мисс Свон. – У меня к вам просьба.

Джон Стивенсон возвращался домой. Он не был здесь уже целую вечность, не видел бывшей жены, сына. Тот, наверное, сильно подрос, возмужал.

Интересно, что стало с последним мужем Лили, если после ее смерти Джимми остался один?

На мгновение Джон почувствовал легкий укор совести, но тут же поправил себя: его семья никогда ни в чем не нуждалась; после развода он оставил жене с сыном дом на поверхности в приличном квартале, где жили чиновники и служащие средней руки.

Когда-то он сам относился к этой категории...

Впрочем, когда-то, во времена юности его прапрадеда, и поверхность была местом для бедняков, интеллигентов и сумасшедших ученых, а теперь все наоборот: подземные купала стали приютами для тех, кто потерял всякую надежду. Менялись времена – менялись нравы.

Джон Стивенсон мог гордиться собой. Он сумел поймать время за хвост и обернуть перемены в свою пользу. Заработал много денег. Стал уважаемым, известным в своих кругах человеком. Теперь, как никогда, он был способен обеспечить сыну достойное будущее, оплатить учебу на любом, даже самом престижном курсе, – да что там! – он мог позволить себе отправить Джимми в космическую академию.

Рискованное решение начать все сначала в середине жизни, поставить все на кон и позволить себе реализовать детские мечты оправдало себя.

Джон рискнул и, бросив прежнюю профессию, на обучение которой потратил годы, профессию, которая исправно приносила ему вполне приличный для служащих его уровня доход, занялся тем, о чем читал только в детстве да смотрел старые фильмы. Он рискнул и победил, стал одним из первых акционеров новой компании по непромышленному освоению внешних просторов Зули и теперь смело мог называть себя героем. Новые открытые купола стали любимы высокородной знатью во многом *благодаря его заслугам*.

Он *лично* участвовал в прокладке первого туристического маршрута по поверхности планеты, плыл на *первом* коммерческом аэролайнере, с удовольствием зарисовывал закат солнца, отражавшегося в тяжелой морской воде, проводил *первые* наружные развлекательные экскурсии. Сын должен был гордиться им.

3

– Все улажено, – сообщила своему первому в самостоятельной карьере подопечному мисс Свон.

Она была счастлива, что смогла проявить себя оперативным и ответственным работником в первый же день выхода на службу, оказать кому-то *существенную помощь*, а не писать формальные отчеты, как на стажерской практике.

– Ваш сосед не будет выдвигать претензий.

Ей хотелось похлопать парнишку по плечу, как-то подбодрить его, но она сдержалась, боясь спугнуть начавшийся было налаживаться контакт.

– Спасибо, – искренне поблагодарил ее Джимми.

Зная переменчивый нрав хозяина аэрокара, он до последнего боялся, что ему не дадут присутствовать на похоронах матери. Этого он не простил бы себе никогда. Он итак пришел домой *вовремя, как и обещал*, а ведь еще с обеда его мучило дурное предчувствие. Что-то словно тянуло его домой, рвало на части. *А он не пошел...*

4

Они с матерью уже три недели не платили аренду за квартиру, и Джимми не мог позволить себе упустить такой шанс: День Исхода, когда люди с достатком праздновали строительство первого города на поверхности планеты, города *без куполов*. Он отмечался раз в пять лет, – такова была ирония зулийского календаря, – зато в такой вечер можно было неплохо заработать на чаевых, а им *очень нужны* были деньги, – и он пришел домой в пять утра.

Слишком поздно, чтобы спасти мать, и слишком рано, чтобы не попытаться.

– Джимми, – окликнула его мисс Свон. – Я отвезу тебя в Приют трех вдов, а завтра, если захочешь, сможешь забрать

из квартиры свои вещи. Полицейские опечатали комнату. У тебя будет три дня, потом там поселят новых жильцов.

– Хорошо.

Он послушно согласился. Ему было все равно, куда ехать. Джимми знал, что по закону не мог оставаться один. Если бы ни его статус «нарушителя общественного порядка со склонностью к неконструктивным действиям» и возникающая вследствие этого необходимость отмечаться раз в месяц у инспектора СК, он мог бы спокойно уйти из больницы, – его никто не стал бы искать, – но Джимми хотел похоронить мать на *приличном кладбище*, рядом с бабушкой, – все, что осталось у него от семьи, – а для этого требовалось *разрешение*. На похороны требовалось купить и оформить *официальное* разрешение. Таков был порядок.

5

Определив мальчика на ночлег, хотя какой он был мальчик – юноша, ростом выше нее, – мисс Свон вернулась в офис, со вздохом села за бумаги и неуверенной рукой стала заполнять узкие поля отчета.

Ей не понравилось, как сержант разговаривал с хозяином аэрокара. Это было больше похоже на шантаж, чем на просьбу, и ее совесть юриста была неспокойна: все-таки самое начало *карьеры*.

– Вы, конечно, можете подать заявление, – с какой-то ед-

ва уловимой интонацией то ли насмешки, то ли угрозы обратился полицейский к соседу Джимми после того, как они битых полчаса стучали в дверь, сообщали свои именные жетоны, ждали результатов проверки. – Но и нам *тоже* придется принять меры в связи с неоказанием *Вами* экстренной помощи и, возможно, убийством по неосторожности.

– Что? – деланно схватился за сердце мужчина средних лет, судя по всему, обладавший вредным, но трусоватым характером. – Да как вы смеете?!.

– На вашем месте я бы не утяжелял своего положения оскорблением полицейского при исполнении, – все тем же усталым голосом продолжил сержант, не давая опомниться «бедной жертве». – Где вы были с пяти до шести утра?

– Дома, *разумеется*. Я, в отличие *от всякой швали*, не ша-стаю по ночам, а вы – полиция и СК – куда смотрите?! Безобразие!..

– Итак, вы были дома, – холодно констатировал полицейский. – У вас есть портативный видеофон.

Он загнул второй палец.

– Да, но....

– Не перебивайте.

Еще один палец пошел в ход.

– Вы не могли не слышать, как подросток звал на помощь.

Сержант выдержал паузу, театрально опустил глаза в протокол и с искренним сочувствием в голосе добавил:

– Все правильно. У меня записано, что Джимми Стивен-

сон стучал к вам около половины шестого, просил вызвать скорую, но вы отказали и не открыли дверь.

– Я не обязан помогать ублюдкам, чей отец неизвестно где, а мать наркоманка, – резко отреагировал на насмешку их собеседник.

– Вы слышали, мисс Свон? – повернулся сержант к своей спутнице. – Признание в намеренном отказе от помощи по причине социальной дискриминации, повлекшее за собой существенный вред здоровью или смерть потерпевшего. Статья 106 пункт 4 подпункт А Унитарного кодекса куполов. Все ясно.

– Пошли вы к черту! – в сердцах воскликнул хозяин аэрокара и попытался захлопнуть дверь. – Вы и ваш подопечный!

– Значит, вы не имеете претензий к мальчику? – услужливо подставил ногу в проем сержант.

– Нет, не имею, – выплюнул в ответ несостоявшийся жалобщик.

Последовало шуршание бумаги, подтверждающая слова роспись, – и дверь захлопнулась.

В машине мисс Свон попыталась что-то сказать, как-то вразумить своего нового напарника, но тот жестом остановил ее:

– Мадам....

– Мисс, – поправила она его.

– Хорошо, мисс, – с ироничной вежливостью согласился со своей спутницей полицейский. – Но по вашему виду

вы будущая мадам из благородной семьи, а сюда, под купол, спустились, чтобы исполнить свой *гражданский долг*?..

Тон сержанта не понравился Эрнистон.

– Вы неоригинальны, если пытаетесь оскорбить меня таким образом, – напала в ответ она.

Полицейский покачал головой.

– Что вы... Вас выдают туфли и костюм, а по поводу вашего социального положения я имел в виду только то, что вы никогда не жили под куполом, подобному нашему, ведь так?

– Такие районы есть и на поверхности, – возразила мисс Свон. – Например, рабочие зоны или районы промышленных космопортов.

Сержанта мягко улыбнулся и снова покачал головой.

– Но ведь вы не жили *и там*? В лучшем случае заходили пару раз с сопровождением во время практики. Не обижайтесь, но вы молоды и у вас другой опыт, поэтому давайте я буду действовать в *своем* районе *по-своему*.

– Да. И мой опыт говорит, что этот человек может подать на нас в суд, – обеспокоенно заметила мисс Свон.

– А мой опыт подсказывает, что *кое-что* не даст ему сделать этого.

– И что же? Совесть?

– Нет, – певуче ответил, покачав головой сержанта. – В этих краях она не водится. Вы заметили, как *долго* этот человек открывал нам дверь?..

– Это вполне объяснимое благоразумие. Он живёт в

неспокойном районе.

– Да?.. – сарказм буквально сочился из всех пор ее собеседника. – И как в вашей *прелестной головке* умещаются все эти факты?.. Человек, который может позволить себе портативный видеофон, аэрокар и роскошные часы с кукушкой, живет в *таком* районе и в *таком* доме?..

– Разве такого не бывает? – она не хотела слишком быстро признавать свою ошибку.

Мисс Свон слышала, что годы службы в полиции делают людей маниакально подозрительными, но впервые наблюдала это своими глазами.

– Бывает, – тяжело выдохнув, ответил полицейский. – И *та-ки-е* люди живут на свете...

Она наконец-то поняла его, а поняв, попыталась исправить положение. Все же, по ее мнению, они должны были действовать в рамках закона.

– Мы и будем, *в своем порядке*, – успокоил ее сержант. – А вы лучше займитесь *своей* работой. Поговорите с парнем, а то он, небось, уже готов драпать из больницы.

– Вы будете еще раз допрашивать его? – желая сменить тему разговора, спросила мисс Свон.

– Позже, если *возникнет* необходимость.

Она начинала понимать его намеки: «позже» означало «никогда».

Глава вторая. Туннели и перекрытия

1

Мисс Свон устало потерла виски, на мгновение прикрыла глаза: перед мысленным взором до сих пор стояла навязчивая картина.

Они с Джимми подъезжают к сероватой строительной площадке, за которой спрятался местный приют, дверь открывает дежурная сестра.

– Джимми? – щурясь от света аэрокара, произносит она. – Какими судьбами? Заходи.

– Моя мать умерла, миссис Ди, – как-то очень просто, тепло обратился к ней парнишка, и мисс Свон почувствовала легкий укор зависти. Она успела привязаться к своему первому подопечному.

Миссис Ди провела их внутрь, по пути раздавая мелкие поручения карапузам, мельтешащим у нее под ногами. Некоторые из них были довольно грязны.

– Можешь поспать пока на третьей койке, она свободна, а там поглядим, – только и сказала она Джимми. – Распорядок у нас прежний.

Потом, пригласив коллегу на общую кухню и налив госте крепкого чая («Достает наш бывший выпускник, наша гордость!»), пояснила:

– Джимми здесь уже не в первый раз, и так иногда заходит.

Спокойствие миссис Ди действовало на Свон двояко. С одной стороны, впервые за сутки дежурства она почувствовала себя в безопасности, расслабилась, передав всю тяжесть ответственности в чужие руки, с другой – ее раздражало равнодушие и какое-то нечеловеческое смирение этой женщины. За годы службы в СК та, по-видимому, обросла заметной коркой цинизма. Из-за таких вот людей в общественной жизни Зули ничего не менялось, все работали по старинке.

Вторая их встреча состоялась через два дня, когда мисс Свон приехала в приют и сообщила Джимми новость о найденном ею отце. Но миссис Ди не спешила радоваться.

– Лучше бы Вы попридержали эту информацию. На будущее не мешает советоваться с более опытными коллегами, – пожевав губами, без обиняков заявила она. – Незвестно еще, как обернется.

– Вы не рады, что кто-то работает *лучше вас*? – перешла в наступление мисс Свон. – Чтобы найти отца Джимми мне понадобилась пара запросов в информационной базе, и, кстати, *удивительно*, его адрес совпал с запиской. Помните, я вам рассказывала?

– *Поздравляю*, – мрачно произнесла хозяйка приюта. – Когда вы намерены встретиться с отцом? Не забудьте захва-

тить нашего юриста.

– Зачем? – непонимающе посмотрела мисс Свон на этот пережиток прошлого, чудом уцелевшую развалину, которая, наверняка, не умела даже входить в Сводную социальную базу, не то что искать там кого-то. Все-таки надо уходить с работы вовремя, освобождать дорогу молодым, если не умеешь и не хочешь учиться работать по-новому.

– На случай, если отец откажется от опеки, – на этот раз без тени укора, игнорируя гуманистическое возмущение молодой леди, произнесла миссис Ди (когда-то она сама была такой же, по-юношески оптимистичной, хотя и прожила под куполом всю свою жизнь). – Они часто отказываются. Особенно те, кто побогаче.

2

«Значит, все это время ты следила за ним...», – с горечью отметил про себя Джимми, устраиваясь на продавленной скрипучей кушетке.

Это открытие раздосадовало его. Мать была помешана на отце, хотя и знала все его слабости, но сам Джимми решил, что такой ошибки совершать не будет. Слишком дорого это обходилось – *плата за привязанность*; хотя увидеть отца он бы хотел, мельком, со стороны, так, чтобы тот не знал.

3

Джон Стивенсон с недоумением уставился на дом, который когда-то принадлежал ему и его семье. По лужайке бежала чужая собака, а вместо спортивной площадки стояли качели.

Он наклонился к панели аэрокара, включил плеер и еще раз прослушал сообщение. Придется-таки ехать в этот чертов Центр СК, хотя он и не понимал, почему они не могли оставить Джимми дома: тот был уже достаточно взрослым, на худой конец попросили бы приглядеть за ним соседей. «Но ведь они переехали, разве ты не видишь?» – услужливо подсказал разум.

– Проходите, – приветливо встретила его у входа молодая сотрудница СК и провела внутрь.

– Где мой сын? Я хотел бы увидеть его, – почему-то нерешительно, стесняясь чего-то, попросил Джон.

– Разумеется, но сначала нам с вами нужно решить несколько вопросов. Таков порядок, я ничего не могу поделать, – последовало вежливое оправдание.

Следующие десять минут поставили Джона Стивенсона в тупик, а ведь он никогда не жаловался на сообразительность. Когда в середине сумбурных излияний мисс Свон в кабинет вошел мужчина, по-видимому, начальник, Джон вздохнул с облегчением: теперь все должно было проясниться.

Представившись, вошедший сразу перешел к делу:

– Итак, мистер Стивенсон, мне хотелось бы знать, поняли

ли вы Ваши права?

«Проверяет стажерку», – скрывая улыбку, подумал Джон, окунаясь в знакомую для себя атмосферу рабочего офиса. Он тоже часто поступал так с молодыми сотрудниками.

– Неделю назад мне позвонили и сказали, что моя бывшая жена умерла, – стараясь оставаться деловито-спокойным, ответил он. – А сын остался один и теперь требуется решить вопрос об опеке, и вот я здесь, чтобы увидеть Джимми и поддержать его.

– И это все?

– Разумеется, помочь с образованием. Он в этом году должен был окончить школу, и я мог бы оплатить его дальнейшую учебу, по его выбору, конечно.

– И это *всё*, что Вам сказала мисс Свон? – ледяным голосом переспросил Гай Ри, и, не повышая тона, повернулся к молодой женщине, добавив: – Спасибо, коллега, *вы свободны*. Дальше я сам.

– Но я хотела привести ему сына. Думаю, при сложившихся обстоятельствах...

Джон растерянно смотрел на разыгравшуюся перед ним немую сцену и чувствовал, как его постепенно охватывает страх.

– Что-то не так с Джимми? – обеспокоенно спросил он. – Я знаю, мне сказали, что жена покончила с собой, но у сына всегда было крепкое здоровье и нервы. Что случилось? Я не понимаю. Я потерял с ними связь несколько лет назад; жена

вышла замуж, а я уехал в экспедицию и бизнес... В общем, это сложно объяснить в двух словах...

– Вам *не нужно* оправдываться перед нами, мистер Стивенсон, – деликатно прервал его Гай Ри. – Ваш сын жив и здоров. Однако есть некоторые обстоятельства, которые требуют вашего внимания.

4

Покидая кабинет, Эрнистон Свон неприлично громко хлопнула дверью и тут же встретила в коридоре с этой мерзкой женщиной.

– Довольны? Это вы сообщили шефу, что я встречаюсь с отцом Джимми?

– Я просто опасалась, что вы не справитесь, милочка, – невозмутимо пожала плечами миссис Ди.

– Я не ребенок и тем более не милочка!..

– *Дышите глубже.* Вы должны представлять себе *последствия* своих поступков, если хотите здесь работать. Думаете, вручите сейчас расчувствовавшемуся отцу сына – и дело сделано?!. А через месяц, когда романтика встречи пройдет и мистер Стивенсон привезет Джимми к нам обратно?!. Что тогда?!. Кто будет вынужден снова заниматься всем этим?.. С его статусом и возрастом Джимми отправят в спецпоселение: он уже слишком взрослый, чтобы жить в приюте. А сейчас есть шанс договориться с отцом об оплачиваемом за-

крытом интернате.

Закончив тираду, миссис Ди выдохнула, только теперь заметив, что почти кричала.

– Извините, что повысила на вас голос, – успокаиваясь, произнесла она.

– Вы так плохо думаете о людях? Вы не даете им шанса...

– Милочка, – снова не удержалась от колкости миссис Ди, уж больно выводила ее из себя эта богачка, вздумавшая для пользы карьеры *позаниматься благотворительностью*. – Это вам не женский роман и не шоу. Мы имеем дело с проблемным, независимым, немного диковатым подростком, выросшим на улице, и солидным, обеспеченным человеком, много лет не видевшим родного сына, *не интересовавшимся* его судьбой. Постарайтесь немного забыть о себе и поставить себя на место *ваших клиентов*. Поладит ли Джимми с отцом, который оставил его с матерью *под куполом*, а сам живет в роскошном доме на поверхности?.. Зачем мистеру Джону Стивенсону нужны такие проблемы, и как он будет решать их?.. Вы ведь не подумали об этом, как и о том, почему до сих пор мать Джимми не обращалась за помощью к бывшему мужу. Нет, мы *ничего* не знаем об этой семье, поэтому не будем спешить.

Она на секунду остановилась и, преодолев вернувшееся раздражение, подошла к Эрнистон Свон и, осторожно взяв ту за руку, заглянула девушке в глаза:

– Не вините себя. Вы хотели, как лучше... Я понимаю... Я

сама верила, как и Вы, но с тех пор повидала много семей и много судеб. То, что мистер Стивенсон откликнулся и приехал, уже *большая удача*, но не требуйте от него многого, и никогда, *слышите*, никогда не обманывайте наших подопечных – ни детей, ни взрослых. В семьях, которые приходят к нам, и так довольно лжи и обмана, *добавьте каплю надежды – и самые стойкие рухнут*.

Эрнистон Свон стояла и упрямо мотала головой. Она была уверена: люди *способны* делать по-настоящему правильные вещи, нужно лишь напомнить им о том, что действительно дорого, чего не купишь за деньги. По своей семье она знала, как легко в обыденной жизни забывались истинные ценности. В этом и состояла ее работа, так, *как она ее понимала...* А иначе...

Иначе никто не расшибет себе голову, но ведь никто и не сделает шага навстречу!..

– Говорить с вами! – обреченно взмахнула руками миссис Ди. – Встретимся через пару лет. Тогда и увидим, кто был прав.

5

– Итак, позвольте подытожить, – слегка осипшим голосом произнес Гай Ри. – Учитывая сложившееся положение, Вы имеете полное право не принимать полную опеку над сыном. У вас есть три варианта: вы можете подтвердить свой отказ

от опеки, который Вы подписали, когда ваша бывшая жена вторично вышла замуж, и предоставить Джимми под полную защиту государства уже сейчас...

Джон попытался протестовать такому повороту дела, но Гай Ри перебил его:

– Выслушайте до конца, таков порядок. Я обязан убедить-ся, что мы правильно понимаем друг друга.

Дождавшись беспомощного кивка собеседника, он уныло продолжил:

– В таком случае Джимми будет отправлен в спецпоселение на поверхность, где ему будет предоставлена трудотерапия. По истечению надлежащего срока он сможет отправиться куда душе угодно. Из заработанного ему будет выплачена некоторая сумма подъемных, вполне достаточная для молодого человека на первое время.

Во втором случае Вы можете передать свое право опеки другому лицу, обычно это директор закрытого интерната либо его заместитель, при этом Вы оплачиваете содержание сына до совершеннолетия или погашения судимости. Ждать осталось недолго.

Третий вариант: Вы можете взять сына к себе. В таком случае Вы полностью отвечаете за него. При возникновении затруднений и письменно оформленных замечаний со стороны учебного заведения, которое Вы вправе выбрать самостоятельно, или же факта грубого нарушения общественного порядка, зафиксированного полицией или инспектором СК,

ваш сын отправиться в спецпоселение с увеличением срока обязательных работ, а Вы будете оштрафованы за ненадлежащее воспитание. Если же в течение текущего года никаких инцидентов не произойдет, то по ходатайству инспектора и при Вашем согласии или рекомендации опекуна статус неблагонадежного гражданина может быть снят с Джимми по решению суда. – Гай Ри сделал паузу, и, подчеркивая значимость сказанного, сменил формальный тон на доверительную интонацию. – На вашем месте я бы выбрал второй вариант и предоставил дело специалистам. Психика детей в этом возрасте крайне неустойчива, и, как показывает практика, *чужие люди* чаще справляются здесь лучше, к тому же, вдалеке от крупных населенных пунктов меньше соблазнов, но *решать Вам*.

– Вы предлагаете мне отказаться от сына? -слишком быстро и ярко возмутился Джон.

– Вы также имеете право на пробный месяц проживания с сыном при условии, что вы не покинете пределы нашего административного округа, – не обращая внимания на собеседника, продолжил Гай Ри, подперев правую щеку ладонью. – Через месяц Вы должны будете объявить ваше окончательное решение. Не торопитесь, *подумайте*, это очень ответственно, и Вы должны собраться с мыслями. Взвесить все варианты. *Как отец*. Выберите для *своего мальчика* самый лучший вариант, вот и все, даже если он и не будет приятным для вас обоих. Мы же взрослые люди... Нет ничего прият-

ного в лекарствах, но мы их пьем, чтобы выздороветь. Как успешный бизнесмен, Вы, наверняка, привыкли думать на несколько ходов вперед. Стоит ли рисковать судьбой молодого человека?

– Вы думаете, ему будет это *полезно*? – растерянно спросил Стивенсон, заметив, что это чувство из редких становится его любимым.

– Не спешите, взвесьте все шансы, критично отнеситесь к своим возможностям, – ушел от прямого ответа Гай Ри. – Пройдитесь по куполу, зайдите в бар, отдохните, отвлекитесь от ситуации, а потом представьте, что вы сидите на моем месте, а я – это вы. Будьте реалистом. Не питайте ненужных надежд на воссоединение семьи. Учтите, что, когда в больнице Джимми спросили о родственниках, *он не назвал вас*. Простите, я ни на что не намекаю и тем более не хочу как-то задеть Вас, но при таком раскладе дел вы можете и не дожидаться горячих объятий, а это очень болезненно. Во всяком случае, так было бы для меня.

– Это верно, – Стивенсон в раздумье покачал головой. – После развода сын с большой неохотой общался со мной.

– Вот видите, Вы прекрасно понимаете все сами. Не позволяйте себе поддаваться сиюминутным порывам, утяжеляя и без того неприятное положение. *Будьте мужчиной*. Мы с вами взрослые люди и хотим для вашего сына только *самого лучшего*. Много ли будет толку, если после очередной глупой ссоры он сбежит от вас и попадет в какую-то неприятность?

– А Вы могли бы взять его под опеку? – в свою очередь спросил Джон.

– К сожалению, это невозможно. Моя занятость этим центром, – Гай Ри обвел руками помещение, – не позволяет мне делать многое из того, что я хочу и с удовольствием бы сделал. Но я знаю прекрасный интернат и могу познакомить вас с директором, очень опытным специалистом. Вы можете провести там несколько дней на правах гостя, поглядеть, как все устроено.

– Спасибо, я буду вам признателен.

6

Когда за незадачливым отцом захлопнулась дверь, Гай Ри придвинул кресло плотнее к столу и, нажав на кнопку селектора, вызвал к себе администратора.

– И подготовьте бумаги о передаче опеки, – приказал он.

Лицо Джона Стивенсона, когда ему предложили компромиссный вариант, выражало *такое* облегчение, что говорило само за себя.

– Как обычно, сэр? – переспросил секретарь. – Делать детей эти богачи *мастаки*, а нам приходится расхлебывать всю кашу.

– Если он согласится, попытаемся выудить из него по максимуму. Люди готовы платить за крепкий, здоровый сон и спокойную совесть, если позволяют финансы. Хорошо бы

нам окупить новую кухню или спортплощадку для миссис Ди.

– А если он решит взять сына к себе?

– Не думаю... *Надеюсь, что нет.* Должна же быть у человека хоть какая-нибудь совесть...

Глава третья. Все мы умные люди...

1

«Отец. Он приехал, – мысли Джимми лихорадочно блуждали по кругу, а пальцы глубоко впились в ладонь, но он не замечал боли. – А вдруг я ему не понравлюсь? Не торопись. Мисс Свон сказала, что он пока не подписал никаких бумаг, зато попросил о встрече... Она считает, что это хороший знак».

«*Врешь себе?* – ехидно поинтересовалось второе Я. – Угу. Что тебя устроит больше: если он вначале подарит тебе аэрокар, а потом подпишет отказ от опеки, или наоборот?».

Джимми не хотел расстраиваться по пустякам, но на глазах невольно выступили слезы.

– Дай ему шанс, – подбодрила его перед встречей миссис Ди.

Казалось, она не меняется с возрастом, все верит в лучшее, а Джимми знал, что *лучшее – враг хорошего* и умные люди всегда готовятся к худшему.

«Сюда приводят ваши мечты», – насмешливая надпись в одной из камер временного пребывания, где он сидел в ожи-

дании суда.

– Будь терпелив, ему трудно понимать тебя. Из вас двоих ты должен вести себя мудрее, гибче. Взрослые люди с трудом приспособляются к новому, а когда волнуются, совершают глупости, – напутствовала его мисс Свон.

Еще одна идеалистка. Но что-то от слов этих двух дам внутри у Джимми размякло. Если отец разрешит ему жить у себя и примет опеку, жизнь может начаться с чистого листа, он поступит в политехническую академию, станет механиком или радистом, или даже пилотом. У него не будет ограничений на профессию. Ради этого стоило потрудиться.

Но и продавать свою гордость за бесценок Джимми был не намерен. Он решил, что не будет играть с отцом в кошки-мышки, спросит напрямую, конечно, не сразу, через пару дней. Ждать целый месяц было слишком долго.

Лучше интернат, лучше спецпоселение, – что угодно! – чем эта страшная, выбивающая из тебя дух неопределенность, от которой потеет лоб, и дрожат руки, и наступает противная слабость во всем теле.

Джимми еще сильнее сжал кисти и спрятал их под стол, посмотрел по сторонам, потом усилием воли заставил себя разжать ладони и положил руки на столешницу, словно в школе. *Он терпеть не мог учиться.* Не хотел чувствовать себя маленьким и зависимым.

– Мы рады, что вы решили встретиться с сыном прежде чем принимать какое-либо решение, – поприветствовала Джона все та же молодая сотрудница. – Я провожу вас в комнату для свиданий.

Следуя за довольно милой, хотя и несколько фривольной на фоне серого окружения юбкой, Джон Стивенсон не переставал удивляться тому, как в такой тесноте работают люди, как *вообще* в этом шуме можно было решать чьи-то судьбы.

Столы сотрудников СК буквально громоздились друг на друге, некоторым подопечным даже некуда было и присесть, и они стояли или сидели на корточках перед своими инспекторами. Было душно, и пахло потом. Джону стало казаться, что он задыхается. Он давно отвык от такой обстановки.

– Сюда, пожалуйста. Мы оставим вас наедине, – позвала его мисс Свон.

– Здравствуйте, сэр, – стоя поприветствовал Стивенсона незнакомый ему подросток и предложил сесть за столик.

«Ловок, обходителен, сметлив, – гордо отметил про себя Джон. – Вырос, но в плечах раздался не сильно, остался немного точеным, весь в мать».

Джон старался сохранить *отстраненную объективность* при встрече с сыном.

– Ты можешь звать меня отец, Джимми, или ты совсем забыл меня? – с теплотой в голосе обратился он к своему мальчику.

– Да, сэр, – последовал невразумительный ответ, а потом снова повисла тишина.

– Думаю, вам следует знать, – не поднимая головы, наконец произнес Джимми, – что я здоров. При поступлении в приют нас тщательно проверяют на всякие болезни, и, учитывая тот факт, что вам, наверняка, сообщили, как мы с матерью жили, вам, наверное, интересно будет знать об этом. Если хотите, у миссис Ди есть все необходимые документы. Вы имеете право посмотреть их.

Джон опешил.

– *Зачем ты так?* – обиженно спросил он, но сын промолчал. Лишь убрал руки под стол.

– Как ты получил судимость, Джимми? – вынужден был первым прервать тишину отец.

Сын пожал плечами.

– Наркотики плюс проникновение на склад. Один из моих отчимов был не очень удачным дельцом, – несколько пространно пояснил он.

– И сколько их было?

– Кого? Складов или отчимов?

Злая, незнакомая Джону усмешка.

– *Достаточно.*

Разговор не клеился, так как парень явно нарывался на скандал.

– Наверное, ничего у нас с ним не получится, – через полчаса мороки, весь в поту и пене объяснял Джон Стивенсон

свое решение местным благотельницам. – Мне не стоит так резко вмешиваться в его жизнь. Он не готов к этому, да и я... Мы оба не готовы.

Мисс Свон протестующе подняла руку, как в школе. Он даже улыбнулся, заметив нелепость ситуации. Все же она была слишком юной для такой работы, хотя и энергичной.

– Вы не можете так просто отказаться от сына в такой момент, когда он потерял мать.

Джон с сожалением развел руками.

– Мы давно не общались с сыном, и я боюсь, что не справлюсь, что только сильнее наврежу ему. У меня такое впечатление, что он нарочно пытается сбить меня с толку, вывести из себя. Кто знает, что он выкинет, если я буду рядом...

Мисс Свон хотела сказать что-то еще, но старшая подруга остановила ее.

– Разумеется, вы правы, – с мягким укором обратилась к отцу Джимми миссис Ди. – Это же подросток. Они все так себя ведут. Но вы его отец и знаете его как никто другой. Должна вам признаться, когда ваш сын впервые попал ко мне несколько лет назад, он был таким потерянным, а *сейчас!*.. Он стал сильнее, вы правы, у него большой потенциал. И он никогда за все время, сколько я знаю его, не говорил о своем отце ни плохого, ни хорошего, ни детям, – вы знаете, как любопытны наши воспитанники, некоторые выдумывают целые истории о своих семьях! – ни мне, так что вы *дважды правы*. Хотя мне кажется, что это *очень трудно* ничего не говорить

об отце, не называть вас папой, и то, что Джимми так легко делает это, конечно, *никак не может навредить ему*.

Джон был достаточно умен, чтобы почувствовать иронию в ее голосе.

3

«Я все испортил».

Когда за отцом закрылась дверь, Джимми хотел броситься тому вслед, извиниться за свое поведение, просто обнять и сказать, что рад его видеть, но было поздно. Обида и гнев, долго копившиеся, тщательно скрываемые, сурово осуждаемые матерью при жизни, мощной, неконтролируемой волной вырвались наружу неожиданно для него самого.

К чему нужны чувства, если он не может управлять ими?!

Раздосадованный, Джимми стукнул кулаком по столу.

«Черт с ним...Пусть уходит».

Одного взгляда на костюм, туфли, часы когда-то родного ему человека Джимми оказалось достаточно, чтобы измерить расстояние, на котором они отстояли друг от друга.

«До Земли было бы много ближе...»

Джимми подумал, что даже если отец согласится вернуть себе опеку, от которой отказался в пользу второго мужа мамы, полковника Лоу, – единственного приличного человека, пусть и тяжелого на руку, вбившего в него все эти «да, сэр»,

«так точно, сэр», – это ничего бы не изменило. Отец всегда будет подозревать, что его вновь обретенному сыну нужны деньги, и частично именно так и было. *Частично*. Но это была не вся правда. И все же...

Контраст между ними был столь разителен, а у Джимми осталось *столь ничтожно мало от собственной гордости*, что этот последний маленький шаг навстречу человеку, которого он любил, которого боготворил в детстве, оказался ему не под силу.

Все было кончено, и, может быть, к лучшему. Не стоило *дважды* биться головой об одну и ту же стену.

4

В тот день миссис Ди с шумом и грохотом наводила порядок в бухгалтерии. Никто из воспитанников не беспокоил ее пустыми вопросами.

Зачем только она согласилась помочь мисс Свон устроить эту встречу, ведь Гай Ри с его невероятной интуицией был *категорически* против? Чувствовало ее сердце, что добром это не кончится, а ведь они даже не спросили у мистера Стивенсона о его нынешнем семейном положении, факте для мужчин более формальном, но проливающим свет на некоторые стороны его поведения.

«Трусость», – безапелляционно выдала бы она, спроси ее напрямик кто-то из близких. «Холодный рассудок и преду-

смотрительность, настоящий бизнесмен», — заменила она первоначальный вариант для мисс Свон.

Не стоило показывать дурной пример молодежи. В конце концов, они ведь не знали, как складывались отношения в этой семье до развода. Сама миссис Ди лично знавала некоторые семьи, которые *точно не стоило сохранять*.

Поразмыслив на досуге, она поняла, что ее сбил с толку какой-то подъем, скрытое воодушевление Джимми, которое она приняла за проявление симпатии, а оказалось, что это были *просто нервы*. В довершении ко всему за всеми хлопотами она совсем забыла о похоронах матери Джимми, о которых, впрочем, сумел позаботиться он сам.

Первые дни после своего приезда Джимми почти не появлялся в приюте, но миссис Ди не видела в этом ничего предосудительного: она сама терпеть не могла ожидания. Тем более, что Джимми сейчас не нужны были неприятности. Его любимая койка оказалась занята другим подростком — крупным, задиристым Бракстоном, и, признаться откровенно, миссис Ди немного побаивалась за ребят в первую ночь. Негласные правила старожилов могли толкнуть Джимми на конфликт, но ребята каким-то образом сумели обойти этот вопрос.

Джимми вообще легко сходилась с людьми. Это была еще одна причина, почему она согласилась на эту встречу с Джоном, а вышло хуже, чем у многих из ее самых отъявленных негодяев. Те как-то легче, быстрее признавали своих роди-

телей, часто не отличавшихся ни примерной жизнью, ни хорошим материальным положением, но, может быть, дело и заключалось в некотором *равновесии* между ними, субъективном, разумеется.

Как бы то ни было, наведываясь в приют, Джимми никогда не вешал нос. Пел свои песенки, шутил, занимал младших воспитанников забавными историями. Однажды даже подарил ей целый комикс для чтения на ночь.

– Это вам на память, – немного смущаясь, произнес он тогда. – За то, что помогли матери устроиться в лечебницу.

– Это моя работа, – неловко поблагодарила его миссис Ди. – Ты *береги* мать. Она старается, помоги ей. Начать новую жизнь в ее возрасте нелегко, но я верю, вместе у вас получится. Не сразу, но получится. Ты теперь единственный мужчина в семье...

Как давно это было...

5

«И что ему с этим делать?»

Джон шагал по непривычным улицам подземного города, выискивая местечко, чтобы выпить. Логика подсказывала: в центральной части купола, где располагались административные здания, должна была найтись пара-тройка приличных баров для служащих.

– Джон?! Какими судьбами? – вздрогнув, услышал он

смутно знакомый голос откуда-то сверху. – Подожди, я спускаюсь к тебе!

Рядом с Джоном, подняв клубы пыли с давно не мытого асфальта, резко приземлился аэрокар с двумя пассажирами. Молодая девушка была точно ему незнакома, но вот ее сосед...

– Всё, милочка, займись делом, и перенеси мои встречи на сегодня. Я встретил старого друга.

Крупный толстячок спрыгнул с подножки аэрокара и налетел на Джона.

– Ну, ты даешь, старина. Что тебя занесло к нам? Я слышал, ты стал *бо-ль-ш-и-и-м* человеком.

– А ты как здесь? – отстранился Джон от тесных дружеских объятий. – Дела идут так плохо?

– Наоборот, – заливисто смеясь, ответил Ларк и подмигнул другу. – Хорошо оплачиваемые адвокаты должны быть *ближе* к народу.

Вскоре они уже сидели за столиком местного элитного бара, спрятанного среди неприметных зданий, расстегнув пиджаки и потягивая приятные в такой духоте коктейли из стойки аги.

– Так что тебя привело сюда, под купол, и как поживает Лили? Я давно не видел ее с Джимми, – спросил Ларк.

– Мы развелись, – ответил Джон. – А потом я потерял ее из виду. Слушай, – он оглянулся вокруг и наклонился через столик к приятелю. – Мне нужна твоя помощь, профессио-

нальная.

Ларк сразу подобрался.

– Конечно, всегда готов помочь старому другу. Проблемы с бизнесом, акциями, правом собственности? Учти, для тебя я сделаю скидку.

– Нет, – отмахнулся Джон. – Это личное.

Не теряя времени за внимательнейшим восприятием жалоб друга, Ларк успел выпить три стакана.

– А тебе немного? – обеспокоенно посмотрел на него Джон.

С некоторых пор он стал ко всему относиться подозрительно. Особенно к старым связям.

– В самый раз, – отмахнулся от нотаций Ларк. – Это стимул, вместо кофе, у меня от него изжога. Но что конкретно ты хочешь от меня? Семейное право не моя специализация.

– Поговори с ним, проверь документы. Понимаешь, они все там в СК глядят на меня или как на врага народа, или как на кошелек, набитый деньгами, особенно их начальник, а мне нужен совет от человека, которому я *мог бы доверять*.

Ларк кивнул. У Джона всегда была потрясающая интуиция на людей.

– Я попробую. Спасибо за комплимент. Значит, Лили умерла? А где ее похоронили? – как бы между прочим поинтересовался адвокат.

– Да, несчастный случай, – прикинулся глуховатым Стивенсон, не желая распространяться о деталях случившегося,

в которых он, *как вдруг обнаружилось*, не был вполне компетентен и сам.

– Жаль, – правильно понял его Ларк и тактично добавил. – Вы были красивой парой, а я вот, видишь, все холостякую. Повтори, кто ведет твое дело? И дай мне адрес приюта, я туда съезжу.

Джон с облегчением узнавал энтузиазм старого друга. Несмотря на набранный с годами вес, тот по-прежнему сохранил живость и хватку, необходимую для такой склочной профессии; цепкий же ум у Ларка был наследственным: шутка ли – целая династия адвокатов!

– Давай-ка так, завтра с утра я встречусь с твоим Гай Ри, а ближе к вечеру с Джимми. Как думаешь, он узнает меня?

– Не знаю. Ты можешь представиться моим адвокатом.

Ларк поморщился.

– Не лучший ход, но я что-нибудь придумаю. Можешь остановиться пока у меня.

– А я не помешаю? – вспомнил Джон о ночных приключениях старины Ларка в молодости.

– Что ты, у меня начисто отсутствует чувство стыдливости. Займи две крайние комнаты на этаже, там есть отдельный выход, так что мы с тобой разминемся в случае чего.

Смешок у Ларка остался тем же. Как и манера без тени смущения разговаривать обо всем на свете – полезное качество для адвоката. «Как все-таки мало мы меняемся с возрастом», – подумал Джон.

– Что, кстати, случилось с твоим прежним домом? – спросил Ларк.

Стивенсон только пожал плечами.

– Лили, должно быть, продала его. Если честно, я не получал от нее никаких вестей, за исключением открыток на день рождения, но она всегда писала одно и то же: «*желаю...*» и «*у нас все хорошо*». Кстати, она отправляла их с нашего старого адреса, *представляешь?!.*

Он поперхнулся коктейлем и громко закашлялся.

– Да-а-а, – похлопал его по спине Ларк. – Она всегда была *гордой*. Два сапога пара, – почувствовав, что сказал лишнее, он поднял бокал, желая разрядить обстановку. – Ну, по последней. За встречу. За старого друга, не побоявшегося бросить вызов судьбе и оседлавшего удачу. За тебя, Джон!

– И за тебя!

6

Мисс Свон была недовольна встречей. Впрочем, ничего страшного не произошло. Это было даже нормально, что отец и сын не смогли сразу договориться друг с другом. Для возобновления контакта требовалось время.

Просматривая дела других подопечных, она снова и снова возвращалась к вопросу о том, как убедить мистера Стивенсона взять пробный месяц, вернее, уже три недели. История разрушения этой семьи и потери ее членами человеческого

достоинства заинтересовала ее своей *исключительностью*.

Обычно через СК проходили другие дела: поколения поколений проблемных детей, не знавших своих родителей, дружные ряды из наркоманов и алкоголиков. На этом фоне история Джимми выглядела нетипично, тем интереснее было бы обратить ее вспять, так сказать восстановить *социальную справедливость*.

Это могло стать хорошим сюжетом для репортажа и, может быть, ей удалось бы подать на премию «*Лучшие надежды СК*», и папа тогда бы успокоился и перестал бы корить ее за то, что она даром просиживает свой талант на госслужбе, пора заняться настоящим делом, да и Джимми сам по себе импонировал мисс Свон.

Парень был улыбочив, вежлив, поблагодарил ее за помощь. Если бы ей только удалось убедить его быть мягче с отцом. У нее самой были непростые отношения с родителями, мать дважды уходила из семьи в поисках счастья, но всегда возвращалась к отцу и его деньгам, так что она могла представить себя на месте Джимми...

Родители остаются родителями, пусть и неидеальными, в его возрасте Джимми следовало понять и смириться с этим. Возможно, всему виной была его мать, обиженные женщины часто настраивали детей против отцов. «Надо будет поговорить с папой, посоветоваться, что можно сказать юноше-подростку в таком случае», – подумала мисс Свон.

Эрнестон Свон *хотелось* довести свое первое самостоя-

тельное дело до победного конца и утереть нос таким, как Гай Ри и прочие. Это дело могло стать своего рода талисманом ее будущей карьеры.

7

Привыкший понимать клиентов с полуслова, Ларк мгновенно раскусил просьбу друга. Совет? Как и все его клиенты, попадавшие в пикантные ситуации, Джон искал не совета, а *козла отпущения*, и задача адвоката сводилась к минимизации последствий опрометчивого поведения.

Впрочем, для друга он делал это охотнее, чем для большинства клиентов. Сказывались воспоминания молодости и Лили. Все же Джон сваял дурака, когда ушел от нее, а новой семьи так и не завел.

Лили была и вправду особенная: жесткая, неподатливая, консервативная, с очень своеобразным складом ума, отличавшим ее от других. Может, она слишком давила на Джона, но и тот никогда не был подарком, да и он, Ларк, тоже. Еще одна причина, по которой *стоило дорожить* стариками; новые друзья не столь охотно мирились с некоторыми из его привычек.

8

Как и предполагал Ларк, появление адвоката не было

встречено в СК *бурными аплодисментами*, но, изучив обстоятельства дела, он вынужден был признать, что, хотя Гай Ри, безусловно, и пытался выдавить кое-что из Джона, свои дела начальник СК вел по закону, что не так уж часто встречалось в сфере социального контроля. Впрочем, возможно, причина такого примерного поведения крылась в возрасте Джимми: тот находился на грани выхода из-под надзора – сомнительный и малопривлекательный капитал, если бы не появление отца и его финансы.

– Ну как? – спросил Джон старого друга следующим вечером, вернее, ночью, так как Ларк допоздна был занят другим клиентом, попавшим в очередную переделку.

– Хороший парень, и по бумагам все чисто, составлено правильно, можешь не переживать.

– Я не о том. Мне нужно твое мнение как друга, а не как адвоката.

Ларк поднял руку и попросил официанта принести еще один стаканчик аги.

– Ты же знаешь, у меня нет детей, так что отец из меня никудышный.

– Да, но ты полжизни имел дело с сыновьями клиентов, попавшими в трудную жизненную ситуацию, – возразил Джон.

Ларк отпил солидный глоток крепкой дряни.

– Это другое. Их отцы – богачи.

– Я тоже не беден. Увиливаешь от ответа?

– *Не хочу ссориться со старым другом,* – напрямик ответил Джону Ларк. – Хочешь совет? Возьми Джимми к себе, поживите у меня эти три недели, присмотритесь друг к другу, а там и решишь. В любом случае это пойдет парню на пользу, ты бы видел этот приют.

– Спасибо.

– Не за что. Все будет так, как ты захочешь. *Зачем еще нужны старые друзья.*

Глава четвертая.

Испытательный срок

1

Миссис Ди была рада: все же ее слова дошли до сердца этого человека, хотя она и опасалась, что Джон Стивенсон мог еще передумать.

– Будь собой и постарайся не ёрничать, – напутствовала она Джимми. – Считай, что это твой шанс начать с чистого листа. Посмотри вокруг, любой из них, – она обвела взглядом зону отдыха, где после обеда расположились ее питомцы. – *Любой* был бы счастлив оказаться на твоем месте. И твоя мать хотела бы этого.

Она порывисто обняла его.

– Давай, я хочу, чтобы твой портрет появился на нашем Счастливом стенде. Это очень важно для меня, для нас всех. *Ты понимаешь?* Мы болеем за тебя.

Что ж, пару друзей действительно переживали за Джимми, кто-то завидовал – втайне или открыто – для большинства же происходящее не имело значения. Все они – и малыши, и подростки – были здесь гостями, а приют был временной мирной точкой, где можно было передохнуть от проблем

и разойтись в разные стороны. Было удивительно, как миссис Ди со своим взбалмошным характером так долго продержалась здесь, но под куполом ее любили; частично за то, что здесь родилась, выросла, добилась стипендии на учебу, за то, что вернулась домой после академии, не загордившись, за то, что была искренна, что умела ненавязчиво, по мелочам облегчить жизнь, не лезла с расспросами в душу, но и не оставалась равнодушной. Конечно, и у нее были свои недостатки, но Джимми был признателен ей за то, что *ни разу* в этих стенах не слышал от нее дурного слова ни о нем самом, ни о матери. Для него это было *важно*: чувствовать, что тебя принимают. Такое он испытывал, только общаясь с Ли, но там был бизнес и за удовольствие хоть изредка казаться полноценным человеком приходилось дорого платить – обоюдная выгода, – а здесь помимо доверия была еще и безопасность, и бескорыстие.

2

«Соблюдай правила общежития и живи, пока можно», – это было нетрудно, спасибо отцу и полковнику Лоу. Первый привил ему чувство уважения к порядку, второй научил следовать правилам, даже когда этого совсем не хотелось. Джимми жалел, что полковника так рано убили. Он, пожалуй, хотел бы иметь такого отчима.

Теперь, оглядываясь назад, Джимми по-иному пере-

осмысливал второй брак матери. Полковник Лоу никогда не поднимал руки на мать и помогал бабушке, совершенно чужой для него женщине, после отъезда сына из дома вконец опустившейся, впавшей в тяжелейшую депрессию и буквально сводившей всех с ума своими жалобами: *«компот слишком горяч», «слишком холодно, много разбавила», «вы все делаете не по-людски», «я совсем вам не нужна», «тебе стоило быть поласковее, тогда бы Джон не ушел», «ты умница, Джимми, не повторяй ошибок своих родителей», «надо быть терпеливей», «для меня никогда нет времени», «не говори так, он тебя никогда не забывал», «он нам не нужен, правда?», «нам и без него хорошо»...*

Однажды на последнее замечание он неосторожно поддакнул: «ага», – и бабушка влепила ему пощечину.

– Не смей! Мертвые не помнят живых, а ты *живой*. Нам без него плохо. Ты должен уважать своего отца.

После Джимми заметил: это было их родное, *семейное*, – умение изводить людей, брать от них самое лучшее и иссушать до дна.

После смерти бабушки мать продала дом, и они окончательно перебрались к полковнику. Сколько ему было? Со всем пацан. Когда полковника Лоу застрелили, выяснилось, что он участвовал в контрабанде оружия. В тот день отчим с матерью уехали в ресторан.

– И чтобы дома был порядок.

– Да, сэр.

К тому времени Джимми уже понял, что с полковником легче согласиться, чем спорить. Если это не касалось дурацких правил, тот был вполне неплохим человеком, со своим представлением о воспитании. Зато полковник Лоу научил его драться всерьез, метать ножи, стрелять. Каждые выходные они ходили на охоту за купол.

– Заряди аэрокар, – прозвучало последнее указание Лоу, и они с матерью уехали.

А потом Джимми *впервые сидел в больнице* и ждал, когда закончится операция.

Мать ранило легко, но дом и почти все сбережения они потеряли: забрали родственники полковника. Мать была слишком доверчива и чистоплотна в то время, *верила в семью*. Тогда они впервые фактически оказались на улице, но ненадолго. Их приютил дядя Джимми, двоюродный брат матери, выделил им комнату в своем доме, помог с деньгами. А потом мать опять запила, как после развода с отцом, до полковника, – тот не давал ей ни капли спиртного, а за найденную однажды сигарету Джимми получил так, что не выходил на улицу неделю. А потом...

В один прекрасный вечер мать не пришла домой ночевать. Под утро они с дядей нашли ее возле мусорных баков недалеко от дома. Она плакала и не хотела *никуда уходить*. Вдвоем кое-как они смогли уговорить ее встать, довести до постели, но воспаление легких она подхватила и снова оказалась в больнице.

– Устраивайся поудобнее, парень, – дружески хлопнул его по плечу Ларк. – Здесь, конечно, не отель, но тоже неплохо, правда, есть нечего, я, знаешь ли, живу на быструю ногу, но мы можем что-нибудь заказать.

Этот хитроватый в своей прямолинейности человек импонировал Джимми. Во всяком случае, толстяк-адвокат не скрывал своих желаний и не страдал ложной скромностью.

– Я друг твоего отца и адвокат, – представился он.

– Ясно.

– Мне тоже. Ты удивительно похож на свою мать.

Простой ход, но сработал.

– А вы ее знали? – заинтересовался Джимми.

– Да. Мы учились в одной академии, только на разных факультетах. Я в молодости любил погулять, твоя мать играла в местном оркестре, а по вечерам они с Джоном подрабатывали в барах. Знаешь, твой отец тогда не был таким занудой. Он говорит, что моя квартира холостяка *неподходящее место* для такого парня, как ты, а я вот так не думаю.

– Он решил взять меня к себе? – напрямик спросил Джимми у Ларка.

– На пробный месяц, точнее оставшиеся три недели, – не смутившись, не опустив глаза, признался адвокат и тем самым окончательно растопил лед в отношениях.

Джимми уважал *настоящих профессионалов*, стремился учиться у них. Он вообще до определенного момента хорошо учился, и ему было обидно бросать школу, но просто числиться в своем потоке он смысла не видел, а работать на аттестат сил не хватало. Нужно было искать деньги и ухаживать за матерью, с этим он поделаться ничего не мог, так что выпускной экзамен остался для него в районе прекрасного будущего.

Впрочем, Джимми утешал себя недурной мыслью, что образование вообще для многих случаев его жизни было излишеством, хватало своего ума и простой житейской наблюдательности, особенно если ты был готов довольствоваться малым и *знал свое место*. На небольшие деньги от подработки было даже легче перемещаться между куполами, чем имея постоянную работу. *Тебя ничто не держало*. Тебе нечего было терять.

Джимми много думал о будущем, моя полы после очередного тяжелого утра матери. Оттого-то в первые дни после ее смерти ему и было так отчаянно тоскливо, будто она *подслушала его потаённые желания*, а ведь он любил ее, любил всем сердцем и все же допускал мысль о предательстве, как отец.

«Дурная кровь», – твердила ему бабка.

Джимми не был уверен, что она имела в виду свою, но доля правды во всем этом была. *Дурной крови в нем было предостаточно*.

– Ну что, согласен пожить на квартире холостяка в отдельной комнате без последующих обязательств? – спросил его Ларк, и Джимми согласился.

Впервые за очень долгие годы у него снова появилась своя *отдельная* комната и даже письменный стол с инфотаблом.

– Здорово. Здесь можно неплохо устроиться, – сразу оценил он обстановку. – А там поглядим.

«Не зарывайся, – осадил его внутренний голос. – Сыграй им месяц пай-мальчика. Считай, что это представление, *игра*, за которую тебе платят, только не деньгами, а будущим. И не бери *Его* слова близко к сердцу. *Ни словечка*. Не стоит позволять кому-либо, *хоть кому*, задевать тебя. Тем более *показывать*, что тебя задели».

Глава пятая. Забытые встречи

1

Следующее после переезда утро началось с сюрприза. Джон открыл глаза и принялся к аромату кофе, тянувшегося с кухни. Он едва успел натянуть брюки, как в комнату бесцеремонно ворвался Ларк.

– Спишь, старик? Я ушел. Учти, я дал Джимми ключи от

квартиры, но за бардак спрошу с тебя. Кстати, – толстяк ловко повернулся в двери. – Он прекрасно готовит тосты, пожалуй, стоит пополнить наши запасы пищи. Сходите с ним в магазин, проветритесь, хозяйственные дела объединяют.

Когда Джон вошел на кухню, сын заканчивал мыть посуду.

– Доброе утро, сэр. Кофе? Гренки? Извините, но больше ничего не было. Ваш друг не бережет себя.

– Долго ты мне собираешься выкать? – твердо намерился прервать эту порочную традицию Джон. Пора было поставить все на свои места.

– Извините, привычка, сэр.

– И что это за «сэр». Издеваешься? Кто научил тебя этому? Не я. Ты издеваешься?! – заходясь все сильнее, повторил Джон.

– Нет, – спокойно отрезал Джимми. – Обычно людям нравится, когда к ним проявляют уважение, и потом так положено по правилам СК, обращение к взрослым, *сэр*.

Джон еле сдержался, чтобы не хлопнуть кулаком по столу. Вместо этого он неосторожно, большим глотком отхлебнул горячий кофе и замер, пытаясь справиться с тепловым ударом. Сын был явно обижен на него, а с обиженными ослами самому стоило быть мудрее.

– Где ты учился? – едва проглотив кипящую жижу, попробовал скорректировать разговор Джон.

– В школе Святого Томаса, сэр, но я там давно не появлялся, и они оставили меня на второй год, – честно признал-

ся Джимми, решив не врать отцу без нужды: все же в любой игре надо знать меру и не заигрываться.

«Умей проявлять уступчивость, – учил его Ли. – *Но не слабость*». Этот урок не раз спасал ему жизнь.

– Я разберусь с этим.

– Ларк попросил пополнить его запасы, – напомнил Джимми. – Если дашь мне денег, я куплю все сам и принесу чек, разумеется.

– Мы перешли на ты, как только речь зашла о деньгах? – не удержался от колкости Джон. – *Хорошенькое воспитание матери*. Называй меня папой.

– Да, отец, сэр.

На лице Джимми снова застыла маска услужливой вежливости. Джону так и не удалось пробиться через нее в последующие дни. Во всяком случае, сын больше не дерзил, его поведение вообще можно было назвать практически безупречным. Лишь однажды он заставил их побеспокоиться, исчезнув, не сказав ни слова, на целый день. Вечером, когда сын вернулся, Джон серьезно поговорил с ним.

– Да, сэр. Такого больше не повториться, – устало произнес Джимми и следующие два дня не выходил.

Джону даже показалось, что он переборщил с нотациями. А потом ему позвонили с работы.

– Мне надо уехать на пару дней по делам, – скрывая облегчение, сообщил он своим компаньонам по жилью. – Бизнес не терпит долгого отсутствия. Ларк присмотрит за тобой,

а ты за ним, договорились?

Оба жильца согласно кивнули. Это было вторым достижением за месяц, первым – сын перешел с ним на «ты», хотя «сэр» осталось, что тоже было неплохо, решил Джон, особенно если Джимми будет жить в интернате.

2

В день отъезда отца Джимми решил сходить на кладбище. Он был спокоен и безмятежен: Ларк возвращался домой поздно, да и не стал бы этот человек поднимать шум по поводу комендантского часа.

Подойдя к могиле, Джимми вытащил из кармана маленький крестик, который когда-то дала ему мать, еще в то время, когда они с отцом были вместе. Он не хотел оставлять у себя *ничего* из прошлой жизни.

За эти дни он *достаточно* насмотрелся на Джона.

Достаточно вспомнил, чтобы понять с противной очевидностью, что тот вряд ли возьмет на себя такую ответственность «быть Отцом».

Это было не в духе «родителя», хотя Джон был смел, по своему. «Бросить все и начать бизнес с нуля – мужественно», – сказал бы Джимми, если бы это сделал кто-то другой. «Не думай об этом, – так говорил он себе сам. – Забудь. *Никто не идеален*. Люди хорошо умеют забывать плохое, *можешь и ты*».

– Падре.

– Ты давно не приходил на службу, сын мой, – поприветствовал его священник. – Ты забросил орган?

– Как-то не складывается, – ушел от ответа Джимми.

– Я слышал о твоей матери. Мои соболезнования. Мне жаль, что я не мог поддержать тебя, мы возили наш хор на конкурс. Мне говорили, ты нашел отца. Почему вы не пришли с ним вместе на девять дней?

– Я был... Но к чему все это, падре? Я скоро уеду, так или иначе.

Священник грустно покачал головой. Он не в первый раз видел, как в горе люди отворачиваются от Бога. Настоящая беда для многих из его прихожан становилась тяжким искушением для веры.

– К тому же теперь я живу в доме, где есть возможность играть на настоящем фортепьяно. Мне этого хватает. А вера? Вера – это ваша профессия, сэр.

Джимми сам не понял, с чего напустился на священника, не стоило его оскорблять, пусть тот и был глуповат.

Мать любила эту уютную, почти домашнюю церквушку, любила это кладбище – зеленые дорожки с цветами – редкое зрелище для куполов; они напоминали ей о поверхности, о детстве, о доме, в котором прошли ее лучшие годы.

Джимми верил, что у жизни и для него припасено свое лето, и солнце, и зелень, и, может быть, что-то большее, чем старый родительский дом и это кладбище, – море или кос-

мос, что-нибудь *такое*, отчего захватывало бы дух и *хотелось дышать*.

Глава шестая. Даты и сроки

1

Сонни Арбакен работала много, допоздна, поэтому, когда няня позвонила ей в офис и сообщила, что не выйдет на работу, она ничего не могла поделать. С беспокойным сердцем досидев до обеда, Сонни бросилась домой.

2

В быту Ларк был непритязателен, импульсивен, но довольно покладист. Расчетливая напористость в делах оставалась за дверью дома; в личных отношениях адвокат был беспечен и щедр, чем не раз пользовались его дамы, но Ларк не унывал и не держал зла.

Следуя общепризнанному принципу всех успешных дельцов *«вставай, пока можешь, а если не можешь, делай вид, что встал»*, он с шумом обрушивался вниз по лестнице житейской жизни и с не меньшим скандалом восстанавливал свои позиции преуспевающего холостяка. Но это была маска. В минуты трезвости он мрачно и безапелляционно отдавал себе отчет в том, что катится вниз, теряя по пути все, что было когда-то значимым и ценным.

– Вам бы кофейку сейчас, – бестактно заметил Джимми, критично оценив потрепанный вид старика. – Выпейте, матери этот коктейль всегда помогал, – и тут же осекся, попытавшись исправить положение. – Но она редко его пила. Давайте я сделаю вам массаж шеи. Садитесь.

Командный тон Джимми заставил Ларка подчиниться, хоть и с болезненной улыбкой. Слова о Лили адвокат принял как само собой разумеющееся.

– Я бы тебя усыновил, – то ли в шутку, то ли всерьез сказал он Джимми через несколько минут, почувствовав облегчение. – Еще бы чашечку кофе – *и я человек.*

3

Оставшись в одиночестве, Джимми решил прогуляться по куполу, навестить миссис Ди.

– И что ты тут делаешь, парень? – присев на ступеньки рядом с мальчишкой лет шести, спросил он. – Меня зовут Джимми, а тебя?

– Гарди.

– Хорошо, Гарди, где ты живешь?

Мальчик показал на квартиру напротив.

– Ты один?

– Мама не разрешает разговаривать с незнакомцами, – запоздало вспомнил мальчуган.

– Но мы-то с тобой уже знакомы, – шутливо заметил

Джимми. — Что ты здесь делаешь?

— Мама ушла на работу, а няня не пришла, и я голоден, — бесхитростно признался Гарди. — Я пошел в магазин, у меня есть деньги, но устал.

4

Открыв дверь, Сонни Арбакен застала неожиданную для нее картину: в воздухе пахло омлетом, ее сын сидел на стуле и запивал молоком печенье, поддергивая ногой в такт музыке, а за ее фамильным фортепьяно в центре комнаты сидел незнакомый молодой человек, напивая какую-то веселую детскую песенку.

— Что здесь происходит? — только и смогла выдавить из себя она.

Музыка оборвалась, и незнакомец медленно вышел из-за инструмента.

— Здравствуйте, меня зовут Джимми Стивенсон, я ваш сосед. Вернее, я живу напротив у мистера Ларка, — стараясь говорить медленно и четко, объяснил Джимми. — Я нашел Гарди на лестничной площадке, он проголодался и пошел в магазин, но я решил, что лучше мы поедем дома. Гарди сказал, что няня готовила ему на завтрак омлет и молоко, так что я не придумал ничего лучше. Извините, если что не так, мэм.

Сонни Арбакен подбежала к сыну, обхватила его за го-

лову, заглянула в глаза, прижала к себе. Затем, взяв Гарди на руки, несмотря на его протесты, ушла в другую комнату, по пути проверив сейф и драгоценности. Джимми спокойно ждал, когда волнение мамы уляжется. Он был уверен в себе, так как не подходил близко к чему-либо, кроме кухни и фортепьяно.

– Я воспользовался вашим инструментом, извините, но Гарди скучал, да и я, по правде, тоже, но не рискнул оставить его одного, – решил, наконец, напомнить он о своем присутствии. – Если все в порядке, я пойду? До свидания, мэм. Пока, Гарди.

– Спасибо, – адресовала Сонни Арбакен свою благодарность уже закрытой двери.

После ужина она зашла к соседу, чтобы поблагодарить того лично, а заодно и проверить, правду ли сказал мальчишка. В доме все было цело, но кто знает. Может быть, тот просто не успел ничего взять или проверял обстановку. Дверь открыл Ларк.

– Джимми? Конечно, я сейчас позову его.

У Сонни отлегло от сердца.

– Спасибо, что воспитали такого замечательного сына, – споткнувшись, смутилась она.

– Не за что, но он скорее мой племянник. Еще бокальчик?

– Нет, я пойду. Гарди один не ложится спать. Пусть Джимми заходит к нам, если захочет поиграть, все равно инструментом никто не пользуется. Это больше память о бабушке.

Джимми довольно улыбнулся, соглашаясь воспользоваться приглашением. Он любил музыку и жалел, что в один прекрасный день они продали мамино пианино, хотя *долго* возили его с собой, оставляли на складе временного хранения.

– Мать научила?

Ларк не любил задавать глупых вопросов типа «умеешь ли ты играть?».

– Да, еще флейта, гитара и немного орган, но я быстро бросил. Надо было каждые выходные ходить на службы, а мне это как-то не очень подходило.

– Не любишь святош? – кивнул Ларк. – В этом мы похожи. Может, мне и вправду тебя усыновить?

– Как скажите. Лучше подарите мне гитару.

5

Ларку все больше и больше нравился этот парень, напоминавший его самого в молодости: такой же ловкий, обходительный, острый на язык, из породы охотников, не слюняев; девушки любили его за наглость и легкую раскованность, не демонстративную, навязчивую, как у придурков, а в самый раз.

Джимми, в свою очередь, тоже было легко угодить другу отца. Он хорошо знал такие характеры: завсегдатаи баров, холостяки, деляги днем и романтики ночью, к таким легко было подобрать ключик, если дело не касалось их личной

свободы и карьеры. К тому же Ларк обладал нужной долей риска и действительно мог бы взять его к себе по доброте душевной; хотя играть на струнах человека, приютившего тебя в трудный час, было не совсем честно, но с совестью Джимми мог договориться. Да совесть и *молчала*.

Он не собирался мешать Ларку жить, не претендовал на его деньги, наоборот, возможно, заполнил бы утреннюю пустоту жизни адвоката, когда степенные люди садятся за стол, разговаривают с женой, детьми, и все довольны. Джон мог давать Ларку денег на его содержание; вполне достойная замена отца, если не задумываться.

«Не теряй себя», – сказала ему мисс Свон на прощание, и *Джимми не собирался*. Он решил, что в любом случае не вернется в приют. Всегда можно было взять денег у Ларка – он уже знал почти все его тайники – и уехать, куда глаза глядят, в другой купол, может быть, на поверхность, но не сразу, там слишком заметно. Места в мире было достаточно, и Джимми намеривался за столбить за собой маленький кусочек *своего*.

Маленький кусочек, не связанный чужой волей.

А образование? Что же, он обойдется и без образования. Правда, тогда придется распрощаться с мечтой о космосе, но у него останется море. Туда он мог устроиться и так, навыков хватало, спасибо Ли.

– Посмотри, что нам принесли, – как всегда без стука вошел в его комнату Ларк.

Это был его дом, и он привык жить в нем один. В руках у адвоката была большая коробка.

– Гитара! – раскрыв упаковку, восхищенно воскликнул Джимми. – Спасибо. Можно попробовать?

– Конечно, она твоя, но с условием не играть при мне по утрам.

Ларк стоял в дверях, с довольной ухмылкой, подпирая руками корпус, и *чувствовал себя богом*; должно быть в этом и состояла прелесть отцовства, в этом, да еще в уверенности, что кто-то останется после тебя.

– Спасибо. Я вас должник.

Когда спустя два дня после подарка Джон вернулся, между ним и сыном состоялся непростой разговор. Зная характер Джимми, Джон спросил сына напрямик: «Хочешь жить со мной?» – и получил маловразумительный ответ: «*Тебе решать. Ты же отец*», и пустой формальный взгляд в придачу.

Никто из них не был готов уступить друг другу ни на йоту, тем более о чем-то *просить*.

– Понимаешь, я задыхался дома от обыденности, – жаловался в тот вечер другу Джон, сидя в баре. – *Бессмысленности существования*. Я всего лишь попросил *Ее* дать мне время разобраться со своими мыслями, заняться собой. Ты знаешь, *Как* я работал, чтобы обеспечить дом, семью, с *Ка-*

ким трудом получил стипендию, за меня *Никто не платил*. Я добился всего САМ. У меня просто не было времени подумать, побыть с собой наедине. Учеба, студенческая жизнь, работа, семья, *ты понимаешь?!.*

Ларк нейтрально кивнул.

– Я смотрю на него и вижу Лили, и снова чувствую себя негодяем, загнанным в угол. *«Тебя здесь никто не держит, хочешь – иди»*. Почему она не смогла понять меня? Ведь жизнь доказала, что *я прав*. Как она могла уничтожить все, чего я добивался таким трудом?!. И в ком?!. В сыне, которого – она это точно знала – я любил. Женщины все-таки удивительно мстительные существа.

– Лили умерла, – резонно возразил Ларк. – А сын твой жив. *Тебе не с кем спорить*. Лучше скажи, что собираешься делать? Послезавтра нас ждут в СК.

– Не знаю. Ты же видишь, как мы общаемся. Иногда мне кажется, что мы из разных вселенных, что это не мой сын, и ему тяжело со мной, а с тобой он смеется, шутит.

– Я твой друг, ты – отец, это нормально.

– Дело не в этом. Иногда мне кажется, что он ненавидит меня.

– Это ты зря, – успокоил друга Ларк. – Просто вы оба упрямы. Он взял от вас с Лили самое лучшее. Знаешь, – неожиданно для Джона адвокат наклонился вперед и схватил друга за воротник. – Дать бы тебе в морду, как другу, но *не могу*. В этом деле я адвокат.

– Ты слишком много выпил, – еле вывернулся из тяжелых объятий Джон.

– А ты? Мало? У тебя в голове *тысяча причин*, чтобы избавиться от парня, и ты ждешь от меня аплодисментов за сообразительность? Открою тебе секрет: ты хороший человек, поэтому не откажешься от сына. *Дай себе шанс.*

7

– Подпишите здесь. Теперь Джимми.

Мисс Свон гордо вручила документы о праве опеки Джону Стивенсону. Ее усилия не пропали даром: подросток был пристроен и его ожидало *замечательное будущее*. Миссис Ди не смогла прийти на встречу из-за дежурства, но это было к лучшему; ее обычный пессимизм в такой ситуации был бы неуместен.

Мисс Эрнистон огорчало поведение отца и сына. Они не выглядели счастливыми, скорее напуганными, но она рассудила, что это была реакция шока, в будущем у них все должно было наладиться.

– Не забудь, после переезда ты должен навестить нового инспектора, – отозвала она Джимми в сторону. – И все остальные требования остаются в силе. Если постараться, через год будешь свободен, как ветер.

– Куда вы теперь? – спросил Джона Гай Ри.

– Домой, на поверхность. У меня дом на берегу в Новом

городе. Думаю, Джимми там понравится, рядом есть замечательная школа.

– Примите бесплатный совет напоследок: устройте сына на индивидуальное обучение. При сложившихся обстоятельствах вам не откажут.

Стивенсон удивленно посмотрел на начальника местного отдела СК.

– Не понимаю. Я думал, хороший коллектив важен.

– Хороший, да, – согласился Гай Ри, – Но не торопите события. Смена обстановки Джимми не повредит, но элитная школа – это уже слишком. Джимми отвык от цивилизованной жизни и может попасть в неприятности, а *новичков нигде не любят*, особенно, если они неровня, вы понимаете?

– В детстве он неплохо играл в футбол, я собираюсь устроить его в команду. Спортсмены всегда в чести, – возразил Гаю Джон.

– Как знаете. Только не надо считать нас глупее себя. Хотите наломать дров, пожалуйста, – обиделся старший инспектор.

Джон застегнул пиджак, аккуратно отряхнул иллюзорную пыль с рукавов, расправил плечи.

– Послушайте, вы знаете моего сына несколько недель, а я воспитывал его *девять лет*, и теперь, *вопреки матери*, мы снова вместе, так что позвольте мне самому позаботиться о его будущем. *Хватит меня учить*.

Глава седьмая. Мечты не отражаются в зеркалах

1

Джимми снилось: его оставили в роддоме. Он видел, как чужая женщина, внешне очень похожая на мать, прокралась в инкубатор и поменяла идентификационные номера младенцев, потому что до одури хотела привести в дом девочку. Через несколько лет обман раскрылся, и две семьи встретились друг с другом: муж, жена – его биологические родители, его брат и сводная сестра (или как еще он мог называть ее?), с одной стороны, и он – Джимми с приемным отцом с другой.

– *Относись к жизни проще,* – сказал ему во сне Ли.

Джимми вздрогнул и почти проснулся, встретившись с ним взглядом. Ли в роли отца?.. С ума сойти!.. Похоже он дошел до ручки, раз ему снится подобное...

Сквозь сон на Джимми потянуло холодом: он вспомнил, что не выключил вентилятор.

– *Твое время истекает, пора убираться ко всем чертям.*

– Не трогай их, – все же собравшись с духом, возразил он – кому? – отцу? отчиму?

– Я делаю, *что хочу*.

Ироничный взгляд из-под бровей, улыбка превосходства – и молчание в ответ.

– Думаю, мы поняли друг друга, – удовлетворенно произнес Ли.

Джимми кивнул. Он не был фанатом биться головой о стену даже ради самых благих намерений.

– Не стоит портить отношения с нашими новыми родственниками, – плотоядно усмехнувшись, заметил во сне Ли. – Они неплохо устроились в этой жизни, *да, Джимми?* Их деньги не будут для нас лишними. Чем не пожертвуешь ради родных детей. Ты сделал то, о чем *Я* просил?

– Да, – ответил Джимми, втягивая в себя воздух. Все это время он стоял (лежал на кровати?), не шелохнувшись, забывая дышать. – Мне прийти вечером?

– Можешь отдохнуть.

– Ты ведь его не тронешь? – уже уходя, резко обернувшись, попросил он Ли и отпрянул, потому что влез не в свое дело. – Шучу.

2

Сон прервался, и Джимми с благодарностью взглянул на стену, за которой шумно развлекался Ларк с девочками. Адвокат умел с душой проводить свободное время.

«Надо умыться, – сказал себе Джимми. – Выбросить все

это из головы».

Холодная вода несколько взбодрила его, но мерзкое по-слевкусие сна не прошло.

«Оставь, – приказывал он себе, ворочаясь на постели. – Спи давай. Не думай. *Улыбайся*. Забудь. Завтра будет завтра».

«Улыбаться я умею», – ответил ему *тот*, другой голос из сна.

– Чтоб тебя, – громко буркнул он в ответ, – и голос затих. Джимми мысленно извинился перед мамой. Нелитературный язык ей не нравился, но ему помогало.

Остаток ночи прошел без приключений.

3

Джон Стивенсон немного волновался, когда показывал сыну его новый дом, комнату, опасался очередного приступа немотивированной злости, но Джимми принял обстановку буднично, что даже слегка задевало. Джон не видел квартиры, которую снимала Лили, но был уверен, что контраст должен был быть разительным.

– Нравится?

– Ничего, жить можно.

«У нас была квартира со всеми удобствами. Мы всегда снимали такие, – вот и все, что рассказал ему Джимми о своей жизни с матерью. – Мы часто переезжали».

Впрочем, Джон не мог мысленно не похвалить сына: парень держался молодцом, это у Джимми было в него. Мужские гены, ничего не попишешь. Лили, как всякая творческая натура, была нервной, взбалмошной. Джон даже был рад, когда после рождения сына она решила оставить труппу и закончить свою музыкальную карьеру. Они не могли позволить себе нанять няню, к тому же к ним после смерти мужа переехала его больная мать.

Лили отлично ладила со свекровью, и Джимми тоже, а он, признаться, матери избегал, не знал, о чем с ней говорить. Та расспрашивала о работе, делах, в которых ровным счетом ничего не понимала; бесполезно было пытаться объяснять. Мать даже на новой кухне, купленной им в подарок на день рождения Лили, чувствовала себя беспомощной.

– Мама, зачем мыть посуду? Для этого есть специальная машина, – учил он ее десятки раз. – Открой крышку, поставь сюда и нажми.

– Лучше уж я по старинке. *Мне спешить некуда.* Что мне еще делать-то?.. – возражала она.

Подруги матери к тому времени или умерли, или уже не могли самостоятельно выбираться из дома, а она сама не привыкла гулять в одиночестве. Сначала мать брала с собой Джимми даже в игорные залы – она всегда была завзятой картежницей, вся преображалась во время игры, так и сыпала сальными остротами – пришлось поговорить с ней и сыном, чтобы не подражал бабушке. Потом, когда Джимми

пошел в школу, мать окончательно заперлась в доме, даже из комнаты выходила редко, *как говорила*, не хотела мешать сыну и невестке. Две хозяйки на кухне – перебор, но Лили не жаловалась. Она вообще редко выказывала недовольство, занималась хозяйством, воспитывала сына, возила того на экскурсии, учила читать ноты, рисовать.

Джон улыбнулся, вспомнив первый музыкальный вечер сына. Тому понравились барабаны, и им с трудом удалось переключить внимание мальчика на более подходящий для их соседей инструмент.

Тем удивительней для Джона было услышать несогласие Лили, когда он решил на время оставить свою профессию и попробовать себя на другом поприще.

4

– Могу предложить вам индивидуальное обучение, – до-тошно перелистав все документы, произнес директор школы. – Сможете приходить к преподавателям в назначенное время на консультации и зачеты, посещать занятия в свободном режиме.

Джимми охотно закивал головой, но Джон категорически отказался. Он не хотел, чтобы сын чувствовал себя изгоем, к тому же такая учеба не способствовала дисциплине, поэтому он *настоял* на обязательном посещении и дополнительной спортивной секции.

– Моему сыну нужно общение со сверстниками. Он только что потерял мать, и вся ситуация...

– До первого замечания, – нехотя согласился директор. – Если не получится, переведем его на индивидуальную программу. Мне надо думать и о других учениках, сэр.

Джон вышел из кабинета в бешенстве, не помня себя.

– Тоже мне учителя, – буркнул он по видеофону Ларку. – А еще говорят о гуманизме!..

– Спокойно, если что, сразу звони мне, – мгновенно отреагировал адвокат. – Я с подобными субъектами собаку съел, а ты для него слишком мягкотелый. В этом деле кто громче кричит, тот и прав. С богатым папашей-хамом не станут связываться, себе дороже.

Но они обошлись своими силами.

5

Джимми на удивление отца достаточно легко влился в коллектив и даже в футбольную команду. Посмотрев парня в пробной игре, тренер скрепя сердце поставил Джимми в полузащиту.

– Способности есть, форма неплохая, но техника слабовата, надо работать, *много работать*.

– Он у меня одаренный, на лету схватывает, трудолюбив, очень любит спорт, – слукавил Джон. – Просто у нас был большой перерыв.

– Посмотрим, ничего обещать не могу, талант не купишь.

Но вскоре Бред Райджари был вынужден признать, что парень может быть неплох, хоть и попал в команду по настоянию директора.

– Вы поймите, Бред, у нас непростая ситуация. Нам нужно обезопасить школу от возможных претензий отца, если что-то случится.

Тогда Бред не понял намека, сказывался малый педагогический опыт – он лишь два года назад пришел в старшую школу из Спортивной гильдии – но позже, когда Джимми, выйдя на замену, забил решающий гол в игре, все же заглянул в личное дело и как-то сразу переменился к парню. Тот вел себя твердо, но тихо, хотя без конфликтов не обошлось.

Как-то Гарри, нападающий, известный своим задиристым характером, прошелся по поводу матери Джимми, намекнул и на деньги отца и их участие в делах команды. Джимми тогда промолчал, и Бред почти списал его со счетов. Мало ли поломанных судеб поднимается из-под куполов... *Не все сохраняют характер.*

Нет, не то чтобы Бред не одобрял рукоприкладство, но считал, что его парни должны уметь постоять за себя, так воспитывался спортивный дух. Оказалось, он просто недооценил Джимми.

После тренировки в раздевалке тот предложил на спор пометать ножи за школой.

– Детские игрушки, – презрительно сплюнул Гарри, и

Бред похолодел, увидев, как неизвестно откуда взявшийся клинок вонзился в стену в пару сантиметров от головы парня. Внушительное шоу.

– Что здесь происходит? – со всей мочи заорал он с порога, привлекая к себе внимания.

– Ничего, – хором ответили ребята, заслоняя спинами стену.

– Вот пусть это «*ничего*» я здесь больше и не увижу, – решил не обострять ситуацию Бред, и ему повезло.

Парни не поубивали друг друга, а даже как-то примирились, организовав маленький союз против тренера. Бред не возражал, если это было для пользы дела. Его собственный тренер тоже когда-то выделял такие штучки, стравливая и разводя парней в команде.

– С ума сошел?!. Ножи в школе?!. А если бы что-то случилось? – покрутил пальцем у виска его старый друг и поклонник спортивной карьеры, учитель литературы Карл Линдсней, человек, благодаря которому собственно Бред и нашел это место. – Ты вылетел бы первым! Это в лучшем случае! Мы отвечаем за их жизнь. Тебе надо отвыкать от своих спортивных замашек, *здесь не гильдия, а школа*. Ты знаешь, *ЧТО* у них творится в голове? Я – нет, хотя и работаю здесь не первый год.

– Не беспокойся, я серьезно поговорил с парнем, – попробовал объяснить свою позицию Бред.

– Ты не прав, – не согласился с ним Линдсней.

Конечно, как учитель Карл был опытней, но Бред стоял на своем. У него было неоспоримое преимущество: он не просто открыл и прочитал дело Джимми, а проехал до его прежней школы, заехал во двор дома, где тот жил с матерью. Рай-он многое рассказал ему о парне.

Бред знал такие подземные уголки, сам когда-то частенько наведывался в подобные места, чуть было не загубил свою карьеру и здоровье, но вовремя опомнился.

Что ж, он был готов поддержать Джимми, если тот хотел начать новую жизнь, но вводить в команде подземные порядки позволять не собирался.

Категорически. Так и сказал.

Впрочем, парень понял его правильно и больше не высывался.

6

Невозможность распоряжаться временем бесила Джимми. Оказывается, шляясь по темным закоулкам прежнего купола, он сильно отвык ... от навязчивости и бессмысленности школьных действий, иллюзорно имеющих какой-то *далекий-предалекый* и неважный никому в настоящем результат.

Выглядывающий из-под мутных стекол очков учитель, все время устало потирающий переносицу, произнес:

– *Объективненько...*

Обращались к нему – вежливым, снисходительно-ласкательным тоном – и Джимми сразу вспомнил, почему ненавидел прежнюю школу.

– Если вам что-то не нравится, *молодой человек*, вы можете пойти другим путем. Честно и открыто. Как та дверь.

Джимми исподтишка бросил пронзительный взгляд на Карда Линдсnea, их учителя литературы. Нет, этот человек дураком не был. Тогда в чем дело?.. И почему именно он?.. Вот ведь привязался...

Следуя негласным правилам, Джимми опустил глаза, как бы признавая: «Не сомневайтесь, я понял и капитулирую».

– Отлично, тогда можете приступить к сочинению.

Перед лицом Джимми душным маревом зависла другая картина.

– Ты знаешь, что будет, если Ли не застанет тебя на своей вечеринке?

– Нет. Но ты, полагаю, знаешь.

Услужливый сосед – советчик по несчастью, распечатал грязным ногтем дорогой, лакированный конверт и, вынув пригласительный билет, бросил его на диван, где лежала мать.

– Из пушки не разбудить?.. Ну-ну... Я не враг тебе, малыш. Разве я не крепко храню твои секреты?.. Не надо... Не надо так смотреть на меня и шутить с Ним, Джимми, тоже не надо. Я не хочу попасть под горячую руку. То, что

он передал приглашение через меня, – уже плохой знак. Тебе есть над чем задуматься, парень. Поверь старику. Разве тебе нечего терять?..

– Старик, – горько усмехнувшись, не согласился, Джими.

И вздрогнул, почувствовав чью-то руку у себя на плече.

– Сочинение само себя не напишет.

Карл Линдсней, черт бы его побрал, ходил по классу, словно хищник, лениво выслеживающий слегка придушенный и оставленный на забаву полдник. Пусть побеждает. *Унижать живых гораздо веселее, чем есть мертвых.*

В последнее время Джими много думал о смерти. Он думал о том, виноват ли он, что сломалась мать. И пришел к рациональному выводу, что нет. И все же... Кое-что можно было поставить ему в укор, сделать по-другому. *Опыт...* Но кто же будет делиться *таким* опытом?.. Пожалуй, даже он бы не поделился, хотя умел писать, но, видимо, сегодня был не его день... Ему бы разродиться одним вшивеньким сочинением на хрестоматийную тему...

Если двигаться маленькими шажками, можно преодолеть вечность...

Джимми всегда чувствовал, когда и в чем он мог бы поступить иначе. Более правильно, что ли. Совесть у него работала что надо. Но он так и не набрался нужного мужества при жизни матери. Спасибо, что всегда находились люди, ко-

которые могли утешить и подсказать, как поступить. Проблем это не решало, но жить чужим умом было немного легче.

Все-таки гадости муторно совершать, *если ты один...*

Вначале он никак не мог отпустить мать, предоставив ее своей судьбе, а на собственном пути его самостоятельной жизни Джимми обуял такой страх, когда он четко представил себе концовку, что...

Хорошее воображение и прогностические способности сыграли с Джимми злую шутку. Он сам понимал: большая беда была в том, что *у него не было иллюзий*. Его вера в счастливый финал потерялась где-то при их переездах от дома к дому, зато поистине религиозно-мистическое знание о том, что будет в конце, *в пункте прибытия*, не оставляло его ни днем, ни ночью. Как и было написано в Апокалипсисе: *на конечной станции не было человека...*

Во всех его мысленных перипетиях и прикидках того или иного маршрута в конце пути было какое-то другое, *чуждое ему существо*, и был человек, *предающий человека* и теряющий то, что дорого, и то, что никогда ему не принадлежало. И он не всегда был уверен, что это разные персонажи.

Откровение... Что знал автор этого приторно-морализаторского рассказа об Откровениях?!. Текст, предложенный Карлом Линдснеем для анализа, вызывал у Джимми тошноту.

Тогда, после ухода соседа, его охватило отчаяние и какое-то *убивающие* отсутствие надежды.

НЕ-НАДЕЖДА.

Он так и записал на обратной стороне именного приглашительного билета и, повертев тот туда-сюда, решил, что факты принимать все же надо. Не в первый раз.

Задача: найти выход, который не противоречил бы его принципам и в то же время устраивал бы Ли.

«...И стал он искусным на пути предательства... И первым, кого он предал, и последним, был он сам...»

«...Бойтесь пастырей, соблазняющих моих овец...»

«...Но трижды будет проклят тот, кто, обманувшись, обманом заманил в сеть других, дабы не быть одиноким в своем несчастье...»

Забавно, но мамин пастырь все же оставил след в его детской, «незащищенной» душе.

Джимми решил ударить конем.

– Что ты делаешь? – включив свет на кухне, удивленно спросил его Ли.

– Готовлю твое любимое блюдо. На вечеринках имениннику редко удастся поесть что-нибудь приличное. Я подумал, за неимением подарка кое-что сделанное своими руками...

Кто-то резко постучал ручкой по его столу, под самым ухом.

– Молодой человек, вы решили сыграть со мной в игру?

«Линдсней».

– Не советую. Я не тот, с кем вам, *особенно Вам*, стоит ссориться в стенах *этого* заведения.

– Я думаю, сэр. Хочу более емко сформулировать свою мысль, *как Вы учили*, – попробовал прикинуться дурачком Джимми.

Осечка. Стоило промолчать. Не тот тип, чтобы иронизировать. Он и в самом деле расслабился в последнее время.

Карл Линдсней скептически приподнял правую бровь, но промолчал, хотя вид его не сулил ничего хорошего.

«Пойдет к директору ябедничать».

Было обидно и все равно в один миг. Джимми и не знал, что такое возможно. Или забыл? *Очень захотел забыть...*

– Ты выиграл, поздравляю. Не думал, что ты выпутаешься из этой истории.

– Не знаю.

Энтузиазм соседа не убедил Джимми.

– Брось. Ли не стал бы действовать исподтишка. Он мог

просто размазать тебя по стенке или сделать так, что вы с матерью не нашли бы приличного угла в этом куполе. И в любом другом, кстати, тоже, если бы уж он завелся. Или ты хочешь взять реванш у себя? – торжествующе щелкнув пальцами, догадался сосед.

Джимми вздрогнул, наткнувшись, как на нож, на внезапную пронизательность старого сводника.

– Пустое. Мужество не для таких, как мы, Джимми, – удивительно тонко схватил настроение беседы его прежний благодетель. – Да-да, я знаю. Коллекционирование фотографий многое дает в плане физиогномики, чтобы ты знал. Я не так уж глуп и плох, как ты думаешь. Это мимикрия. Возраст, сынок, страховка, опасения. Не в моем положении, Джимми, стоит выглядеть умным и смелым. Для этого нужно обладать определённым статусом или деньгами, или талантом, на худой конец. А таким, как мы с тобой, Джимми, остается только устроиться.... Более или менее комфортно. Не хочешь отплатить мне за добрый совет? Ты мог бы сделать для меня пару фотографий. Такая благодарность тебе ничего не будет стоить и укрепит наши взаимоотношения, ко всеобщему благу.

«Мерзавец».

Но Джимми не находил слов, чтобы возразить ему.

«Обыкновенные люди...»

«Обыкновенные люди не пишут сочинений. Их мнение никого не интересует. Их не посещает Откровение. Им нужно лишь переложить хрестоматийный комментарий кого-нибудь из Великих о тексте – с известной долей смирения и субъективной подачи в смысле свободы формы, – добавить кажущегося личного пристрастия, и все будет оценено преподавателем как более или менее симпатичная или нет учебная работа».

– Каков нахал!.. Нет, послушай, что он пишет дальше.

«Вопрос, поставленный автором в произведении, считаю БЕССМЫСЛЕННЫМ и неактуальным, как и сочинение на данную тему. «Средства должны оправдывать цель, разве нет?». Средства должны соответствовать цели и помогать помнит о ней, в идеале – добиваться ее. Если эти условия не выполняются, следует изобрести другие средства. Верная цель не нуждается в оправданиях».

– Разве он не прав?

Бред искренне недоумевал по поводу причин внезапного возмущения Линдснея, который сам за дружеской беседой не раз предавался размышлениям того же рода.

– Ты и в самом деле настолько наивен? Не разыгрывай из себя простака, – перебил его Карл. – Еще шаг – и он дойдет

до отрицания смысла всей нашей работы. Он и так чуть ли не прямым текстом назвал меня, *своего учителя*, идиотом. Разве в наше время мы с тобой могли подумать *о таком?!*. В наших глазах учитель обладал статусом...

– Не думаю, – поморщился Бред, – что парень имел в виду именно это.

– На каникулах я скучаю по работе, и я отдаю *всего себя* этим негодьям, ищу темы, которые будут им интересны и полезны для развития, и *что в ответ?!*. Я тоже не хочу *бессмысленно* тратить свое время. Ноги его больше не будет в моем классе, – разгорячившись, заявил Линдсней. – Этот... паршивец...

– Не знаю... Чем он так зацепил тебя? Допустим, как ты и говорил, не все могут ... соответствовать требованиям «*Быть человеком*». Возможно, парень не твоего поля ягодка, возможно, он не литератор. Не все могут... Как по мне, каждый имеет право *стремиться быть лучшим в своем*, в том, что дорого. Для меня это и значит быть человеком: расти самому и помогать другим, по возможности, или хотя бы не мешать.

– А если он собирается стать лучшим серийным убийцей или новым диктатором? *Поможешь ему в этом?* А если он вообще не верит в идею развития? – зловеще прошипел Карл. – Подожди, он предаст и тебя. Ты думаешь, что на этого сосунка можно положиться? Нет, поверь моему опыту. У него за душой *ни грамма морали*. Совесть атрофирована на-

чисто. Не-е-т, он гнилой. От корки до самого нутра. И когда он в полной мере проявит себя *настоящего*, ты вспомнишь наш разговор. Только не говори, что я тебя не предупреждал.

И все же благодаря Бреду, выплеснувшись в последней язвительной тираде, ему удалось успокоиться. Действительно, чего он, в самом деле, завелся? Ну, выбрасывает молодой человек свою жизнь и свои способности в мусорное ведро?!. *Так это его право*. Он, Карл Линдсней, честно делает свою работу и не играет ни в какие игры. Отдается своим студентам от начала и до конца. И требует, кстати, в ответ от своих учеников только одного: *элементарного уважения* к его личности и его труду. А если человек не чувствует грани, то лучшее, что может сделать настоящий учитель, – это дать такому ученику адекватную обратную связь, чтобы тот *понял* и в реальной жизни, когда на кону будет нечто *гораздо* большее, чем оценка за сочинение, *не плевал* против ветра.

– А ведь ты не читал его личного дела, – внезапно врезался в размышления Линдсней Бред.

– Читал, – невозмутимо соврал Карл. – Это не имеет значения. Трудная судьба не дает человеку права хамить.

– А все-таки, что он тебе сказал? Дело ведь не в сочинении. Между нами... Я могу наставить его на путь истинный, как тренер.

– Нет, – не согласился Линдсней. – Этот стервец вьет из тебя веревки. Не спорь, я вижу. Но я знаю, где искать на него управу.

– Не горячись в поиске, – обеспокоенно предостерег его Бред. – Парень все же не совсем... плох. Дай ему шанс. По-
взрослеет, сойдет эта ершистость...

Карл ошеломленно уставился на друга.

– Да... А ты ведь и вправду не замечаешь... Он *плохой человек*, Бред. Поверь моему слову. И твоей команде будет гораздо лучше, если вам удастся избавиться от него чем скорее, тем лучше. Меньше будет грустных последствий. Такие люди имеют способность разъедать окружающую среду и тянуть на дно других. Сами, кстати, всплывают часто в последний момент, а хорошие ребята пропадают. *Подумай об этом*. Один или несколько... *Без него будет лучше*... Для тебя и ребят.

В их разговоре возникла неловкая пауза.

– Не думал, что ты мыслишь стереотипами, – под конец выдавил из себя Райджари. – Интересно, *а я у тебя в каком списке?*.. Отправляешь человека в утиль только за то, что он сказал что-то, что тебе не по духу?.. Допустим... Мальчик излишне резок. Максимализм...

– Причем тут стереотипы!.. – смутившись, опять взвился Линдсней, сатанея от невозможности достучаться до друга. – Он подлец. *И не верь его объяснениям*. Этот парень коварен и лжив насквозь. Ему соврать, что священнику перекреститься.

– С каких пор ты вспомнил о религии? – попытался сменить тему Райджари.

– Думаешь, под воздействием эмоций я не могу судить объективно? – раскусив его замысел, прямо спросил Карл. – Ладно... *Поживем – увидим.* Не хочу с тобой ссориться из-за этого паршивца. Только не поворачивайся к нему спиной. Не хватало только, чтобы ты пострадал от своего прямодушия. Такими, как он, должны заниматься другие...

Глава восьмая. Раскаяние

1

На сердце у Джимми было беспокойно. Зря он сорвался на Линдсней.

«Ты слишком эмоционален. Придется мне подучить тебя самоконтролю. Хорошо, что ты признаешь свою неправоту, но за ошибки надо платить», – сказал ему в тот злополучный вечер Ли, и устроил для себя праздник, по-своему...

С тех пор Джимми старался не срываться.

Во всяком случае не на тех, кто *мог* ответить.

Но учителя часто ставили его в тупик. Ему никак не удалось классифицировать их в работе. Они все время менялись, перетекая из одного качества в другое: то вели себя прилично, как обычные люди, то – стоило задеть какие-то туманные *«святые принципы»* – буквально перерождались, как Карл Линдсней, становясь мстительными, бьющими исподтишка тварями. Джимми так и не научился вычленять их сразу из серии более безобидных, но подобных им педагогических существ. Приходилось каждый раз действовать методом проб и ошибок. На своей шкуре, так сказать. Но что

поделаешь... Нет предела совершенству... Что ж, возможно, *когда-нибудь* это будет его следующая стадия развития. Имеет же он право ошибаться в оценке противника?.. Имеет. Он еще молод.

«Не стоило с ним связываться,» – подал голос заблудший было инстинкт самосохранения.

Факт.

«Твое положение и без того уязвимо».

Еще один.

«Стоило просто промолчать».

Это Джимми понимал. Но та самая уязвимость и необходимость все время «быть в форме», «держат лицо» в месте, где с каждой стены тебе кричали лозунги о безопасности и свободе самовыражения, в вещах, в которых от тебя требовали *похожей на откровенность и искренность* лжи, сводили его с ума.

Он жутко устал жить в раздвоенном, рас-троённом мире, сейчас – больше, чем когда бы то ни было. Может быть, потому что раньше его жизнь была по-настоящему опасна и «игра масок» была единственным средством выживания и по-другому было совсем плохо, *а сейчас...*

Бесперспективность его усилий, его кажущейся свободы,

протеста или смирения – *не все ли равно, если будет один и тот же результат?..* – грубо, ежедневно, беспощадно душила его. Никакой паузы, никакой жалости, никакого удовольствия и просвета впереди, – и *никакого отчаяния*. Все чаще и чаще пустота в голове и нежелание что-либо делать.

Если бы не обещание миссис Ди продержаться трезвым один месяц, Джимми давно бы дошел до ручки.

В сочинении он написал, что, если средства плохи, стоит изобрести другие средства. А может ли он изобрести *другую цель*? Под стать тем средствам, которые он использовал?.. *Цель, которая оправдала бы все, что он натворил?..*

Можно ли в жизни пойти от обратного?..

Сначала взорвать бомбу, а потом обрести идею, ради которой ты это сделал?..

Говорят, в политике так бывает. Но то в политике. А в жизни?..

В жизни тоже, возможно, получится... *Ведь удавалось же кому-то!..* Можно! Но только не в его...

Как говорил Ли, «ты слишком умен, чтобы обманывать себя и слишком наивен, чтобы не хотеть этого сделать».

Смешно.

Неприятно, но в самую точку.

Джимми решил, что потерпит ради приличия столько, сколько сможет, надеясь, что время подскажет ответы. Время... или люди... Они всегда были, в целом, добры к нему, и Джимми ценил доброту. Хотя иногда у него не сразу полу-

чалось назначить ей *нужную цену*. Еще один навык, которому в его возрасте *стоило* подучиться...

2

Видеть на каждом столбе объявление «Распродажа!» и оставаться счастливым человеком отнимало у Джимми порядочную долю дневных усилий.

Он едва пригубил бутылку, как в комнату вошел брат.

– Что это? Ты пьешь?

– Не говори отцу.

– Какому?

– Обоим.

– Это плохо кончится.

– Давай не сегодня. Мы уже достаточно наговорили друг другу.

Проклятый сон снова навалился на Джимми, только почему-то в этот раз его брату было лет 13-14, а ему 17. Как будто в том, сонном мире, время текло по-своему.

– Здесь кто-нибудь стучится в доме?

Это уже он – Джимми – недовольно, резко выкрикнул биологическому отцу, когда тот нежданно-негаданно вошел в его комнату. Выслушал унылые нотации о вреде алкоголя.

– Я понял. Вылью. Потом.

– Сейчас.

«Второй Джимми» проследовал до ванной комнаты и вылил всю бутылку в раковину.

– Доволен?

Вот это сон!.. Сногшибательно!.. Не удивительно, что ему не хотелось ложиться в кровать.

В жизни, правда, Джимми тоже так делал. Два раза. Один – от отчаяния и глупости – для матери, второй – для себя, когда понял, что теряет контроль. С тех пор он не покупал больше одной бутылки в дом. Знал, что может не удержаться.

– Поговорим завтра.

– Я достаточно трезв.

– Завтра.

Джимми ненавидел это слово, но во сне воспринял его достаточно спокойно.

– Тебе так плохо у нас?

– Нет. Просто привычка...

Он почувствовал, что напугал биологического отца.

– Я сделаю так, как ты хочешь, – попробовал он успокоить родных по крови и бесконечно далеких по жизни ему ро-

дителей.

– Мы обратимся к специалистам...

Равнодушно Джимми пожал во сне плечами, желая одного: чтобы его оставили в покое, отвязались...

– Группа взаимопомощи? Пожалуйста.

Для Джимми ни наяву, ни во сне это не было проблемой. Он ни в грош не ставил такие собрания, а мать – а, сидя за ее спиной, и он сам – посетили их немало. Бессмысленные встречи. Там все играли роли, притворялись теми, кем на самом деле не были, включая врачей, маскирующих жажду власти и острых эмоций под альтруизм доброго самаритянина.

«Все в ваших руках...»

«Поддержим его выбор...»

«Откройте для себя помощь Господа...»

Мать называла эти собрания сходкой стареющих вампиров и считала, что реальная жизнь гораздо сложнее любой театральной труппы. В ней нельзя просто так *взять – нажать на кнопку – и переключиться...*

Даже объяснить иногда не удавалось. Произнесенные, слова искажали истину, или реальность, или нечто, что видел ты сам...

– *Слушай, я не специалист по красивым жестам и словам, но мне кажется, у тебя хорошая семья, – во сне пы-*

тался успокоить его несуществующий в реальности друг.

В реальности Джимми не мог никому верить.

– Ух ты?!

Джимми не знал его.

– Оставь мою семью мне.

– Ладно, – приятель вскинул руки ладонями вверх, но не отстал. – Тебе в любом случае не стоит столько пить. Твой первый-второй отец, черт, Джимми, назови их уже как-нибудь, не будет сюсюкаться с тобой, когда вернется.

– Не учи меня жить!

– Как знаешь... Я не понимаю, что с тобой не так, приятель. Ты и вправду нашел нормальную семью.

И тут он сорвался.

– Я боюсь.

Во сне, как и в жизни, он не дал себе договорить до конца.

Мать, его настоящая мать, из плоти и крови, мать, которая родила его, которая учила: «не стоит выливать ушатъ грязи на непричастных», «незачем просить о помощи у тех, кто не поможет», «не стоит застревать в прошлом» ...

Сама она соблюдала два урока из трех.

Джимми усвоил один. Два других давались ему тяжело, но гордость помогала.

Раньше он всегда мог остановиться, не дойдя до крайней точки. *Сможет и сейчас.*

«А не полечить ли тебе нервы, парень? – шутливо спросил

он себя сам, разглядывая незамысловатый узор на стене. – Дурные мысли – дурные сны».

Он сел, по-турецки сложив ноги и стал сильно, до боли тереть щеки, подбородок, пытаясь освободиться от наваждения. Не помогало.

Под утро, сквозь липкое, приятное своей темной негой забытие, он ненароком вынырнул на поверхность, – и снова оказался в другой реальности.

– Любовь связана у меня с мужчинами, лишь с некоторыми, женщины – с удовольствием, – напившись, болтал сам с собой один из его клиентов, из Тех, на которых собирал компромат мистер Ли.

Джимми едва не стошнило. Это был не сон, а дерьмо. Дешевое дерьмо.

Словно почувствовав позывы хозяина тела, дебильный философ – порождение сонного разума – резко крутанулся на стуле, меняя угол обзора, словно это имело значение, ведь перед ним были стены – не люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.